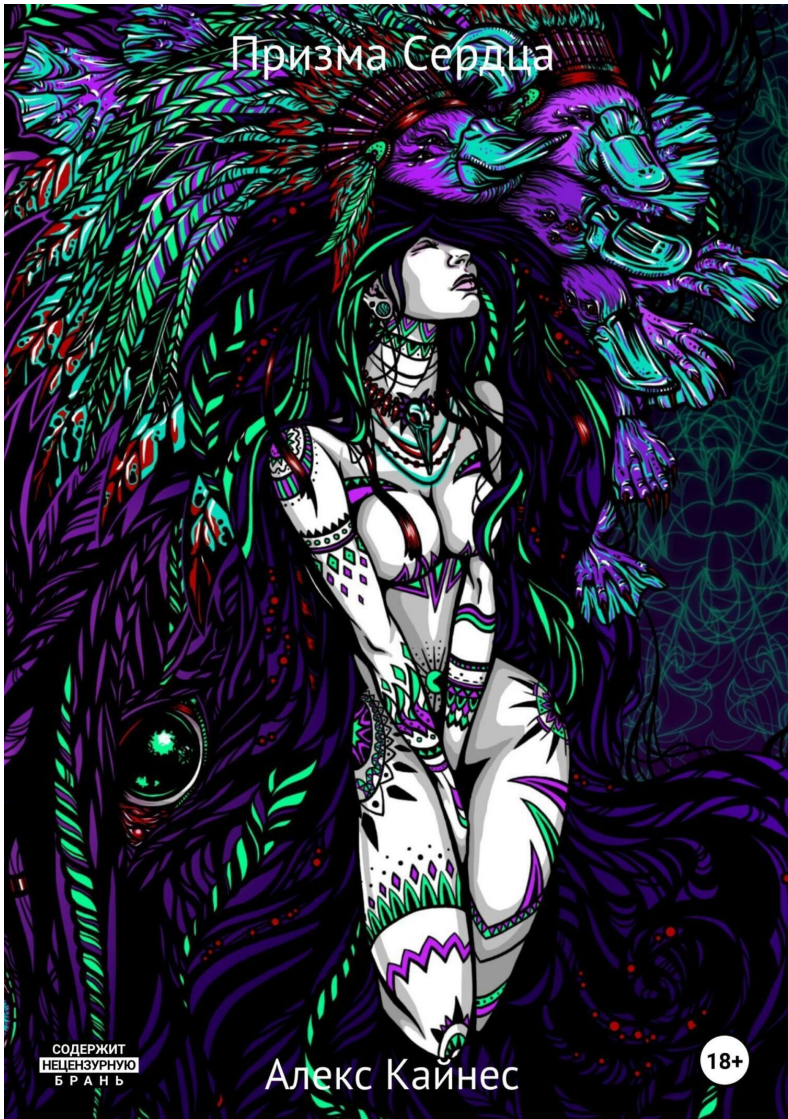

Призма Сердца

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Алекс Кайнес

18+

Алекс Кайнес

Призма Сердца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25219645

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-11539-2

Аннотация

Выдающимся подвигом алхимика древности, чья персона стала краеугольным камнем для множества конфессий, на самом деле является не массовое освобождение рабов из-под гнета Ига варваров Сердца, но изобретение калейдоскопа, который позволяет увидеть мир не разделенным, но целым, со множеством уникальных и неповторимых граней, одной из которых является скандальная журналистка Гелла Фландерс, живущая через тысячелетия после падения варваров Сердца. Содержит нецензурную брань.

Алекс Кайнес

Призма Сердца

1. Свет закрыли звёзды. На смену им пришёл день, но и он был погребён под иллюзией органического камня, который веками впитывал в себя мысли, чувства существ, живущих по соседству. Я же, в свою очередь, пока что впитывала силу, что давала мне знание о присутствии всего, что меня окружало. Подождите-ка! А где я собственно нахожусь? Вот ведь задачка! А раз это такая своеобразная головоломка, то её можно решить... Так, посмотрим. Я начала с... Точно! Камень, вот же он, на высоте, хм, ну, не знаю ... метров десять? Может двадцать? Подняться бы, да и проверить. Никогда не была сильна в точных замерах и величинах, хотя с моей-то профессией стоило бы... Ох, что же это? Так, так, спокойно, вот теперь точно места не осталось... До... Потолка? Это потолок такой? Или пол? Быстро же меня притянуло. Мысли тут обладают исключительным качеством материализовываться. Придется с этим свыкнуться. А это ли не?... О, ещё какие-то люди. Значит, всё-таки я на потолке, точнее, под ним. Хотя, какая разница? Так, опустимся пониже. Кто же это? Кто вы? Эй!

– Они тебя не услышат.

– Что? Не услышат? а ты кто?

– Твой голос, кто же ещё.

– А, ну, ясно. Точнее, совсем не ясно. Как ты можешь быть мной, если я это... Ой.

– Ой? Вот именно.

– Не смешно!

– А я и не смеюсь.

– Да? Ну тогда...

– Может это тебе смешно?

– Мне? ну да. Только если самую малость...

– А почему тебе смешно?

– Мне... Подожди секунду! Давай я спущусь и все тебе расскажу!

– Попробуй.

– Так, я пошла.

– Итак... – Она медленно спланировала на полноватого мужчину...

– Эй, я вообще-то ещё тут! Зачем говорить обо мне в третьем лице?

– Так смешнее. Можно, кстати, представить, что мы ненастоящие, а лишь голос бесконечности, что рассказывает сам себе сказку.

– Странный ты. Но будь по-твоему.

– Спасибо за понимание. Итак, она медленно спланировала на полноватого мужчину и начала хихикать, переворачиваясь в воздухе. Друг мужчины пару минут назад рассказал уморительный анекдот про бар... Но всё же, «Я» на церемо-

нии, нельзя смеяться, сделаю вид, что я так корчусь, потому что мне плакать хочется... А то мало ли что подумают...

– Вау, да тут целая библиотека воспоминаний! Вот это человечество!

– ТЫ дальше смотри, вон паренек поодаль.

– Поняла! Я сейчас...

Внутри парнишки царило умиротворение. Период переживаний оставался позади, чувствовалось освобождение, даже было дышать легче. Но ощущение общей скорби, которая давила каменными стенами и чёрными костюмами, настаивало людей на совершенно иной лад. Главное – ничего не говорить, ни на кого не смотреть. Скоро я уже буду высоко-высоко, улетаю прочь из этой помойки, вот тогда...

– Вау! Слушай, а этот паренёк тоже интересен!

– Да они все тут не просто так собрались. Вон ещё...

– Женщина? Я мигом!

– Вот же! Угораздило же ей подохнуть именно в годовщину моей...

– Стоп! Голос! А что, кто-то?..

– Родненькая! – раздался всхлип посередине зала.

– А?

– Моя доченька, моя любимая, моя ненаглядная!

– Оу, оу, это становится интереснее. Почему бы не подобраться поближе?

– Стой. Её сейчас тут нет, не стоит тебе мешать ещё и пространственные отрывки вместе с временными.

– А? Голос? Почему... Ух ты! Помещение меняется!

– Да? И что ты видишь?

– Стены раздвигаются... да, да! Теперь это не тесное бетонное помещение, а ... просторный дворец? Или что это? Тут витражи такие! Смотри, смотри! Разноцветные окна! Как красиво переливаются! Видишь?

– Да.

– Столько золота! Всё так сверкает! Красота! А люди внизу не изменились, всё так же грустят... С чего бы это? Ведь теперь тут так красиво!

– Может красиво лишь снаружи?

– Хм, а может. Да! Ух, а это кто такой? Он тоже умер?

– Кто?

– Вон же! Большой такой, из золота! Возвышается над всеми!

– О! Так это же Арчибальд.

– Кто? Арчибальд?

– Ага, алхимик далёкого прошлого.

– А... Почему он такой круглый и на колесе?

– Его так пытали. И убили, пустив катиться на этом колесе.

– Как негуманно!

– А то!

– А за что его так?

– Ну, этот алхимик в свое время проповедовал, что синтезировал философский камень. Точнее философский тубус.

Калейдоскоп.

– А что это за тубус такой?

– Это просто легенда, не стоит верить «официальной» мифической версии. Думаю, по крайней мере, сейчас, нам правды не узнать.

– Ладно, ладно, прости.

– Да не сердись ты так, просто ещё не время для таких детальных расспросов, а ты всё хочешь побыстрее узнать.

– Может и так. А почему он на этом колесе эяку..? Всё, молчу, молчу! О! Ты глянь!

– Что?

– Помещение меняется!

– Да? И что ты видишь теперь?

– Всё те же унылые кислые мины. Но... Всё опять трансформировалось и теперь выглядит ещё чудеснее!

– Как?

– Тут теперь много геометрии и... Нет этих круглых штук с мужиками, зато есть... О...

– Что за «о» ещё?

– Здесь какой-то странный рисунок во всю стену со множеством лиц. Нет, не лиц... Масок. И все они стягиваются к одной точке, опа!

– Что такое?

– В центре экспозиции пусто!

– То есть как пусто?

– То есть так! Совсем ничего!

- А ну-ка проверь! Как так?
- Да та... Эй! Ты что меня, стебёшь?
- И не подумал бы.
- Всё ясно с тобой. И тем не менее... Почему тут пусто?
- Может фантазии не хватило?
- На что?
- Чтобы придумать то, чему поклоняться...
- Поклоняться? То есть поклон отвешивать? А зачем?
- Я не знаю! Говорю же, не спрашивай так много!
- Ладно. А!!
- Что теперь?
- Теперь всё иначе!
- Да неужели? Нашла удобный угол обзора?
- Обзора? Хотя, ладно, молчу, молчу... Теперь тут нет вообще никаких стен! И никаких колес или масок! Тут... Ого! Небо! Столько звёзд, круто! Я сейчас...
- Эй, стой, стой! Ещё успеешь к ним слетать!
- Ладно, поняла.
- Вот и славно. А теперь, когда никто не мешает...
- Действительно! Смотри! Видишь? Люди больше не унылые! Они... Они все танцуют! Как красиво! И поют! Я даже могу понять, о чём!
- Шшш!!
- Что?
- Не вслушивайся пока что. Просто смотри туда. В центр.
- А? Это же... Ага, человек! Какая неожиданность!

– Да, всего лишь человек. Но почему он не танцует?

– Почему бы тебе не подлететь и не узнать?

– О! Это я могу сразу же! Вот миг. Другой. И я уже тут!

Так, милашка, покажи мне свои воспоминания... А!!!

– Ты чего?

– А!!

2. –Ты чего?!

– Ах-ах-аха!

– Да ну тебя!

– Испугалась?

Пэт обиженно толкнула подругу в бок, и они обе беззаботно рассмеялись.

– Ну ты и дура! – снова расхохоталась подружка.

– Да, ну и что! Кто ж знал, что этот виноград такой убойный! Знаешь, что я только что видела?

– И что же?

– Чёрт, мне кажется, ты читаешь мои мысли! Мне и говорить тебе ничего не надо!

– Отлично! – лениво протянула Пэт, растянувшись на диване. – О, Брайан! А ты чего такой невеселый? Давай к нам!

– Я вообще всего в метре от вас сижу, – отозвался паренек, осушив очередной бокал.

– Нуууу! – не унималась девушка, – ты там, на полу! А мы вот тут, на диване! Между нами целая пропасть! Такое впечатление, что мы какие-то тираны тут с Эл сидим, а ты

там, внизу, как какой-то обделённый! Что за неравенство!

– Мне так удобнее.

– Так, я сейчас встану и...

– Всё, всё, я иду.

– Какой ты у нас красавчик! – развеселилась Пэт. – Ну, Эл, скажи ведь!

– Пэтти! – смущенно засмеялась подружка, когда выше названный эталон красоты приземлился меж двух дам.

– Во, во! Я же точно всё сказала! Эта мысль у тебя в голове крутилась? И я её считала, верно же? Так что... Мне надо запить эти чудные вишенки живой водой, вы, ребята, пока тут не скучайте без меня! Ночь ещё молода, ла-ла-ла...

Распевая эту мантру, девушка удалилась, оставив парочку хихикать ей вслед.

– И как ты с ней общаешься? – еле оправившись от смеха, выдавил из себя Брайан.

– А ты? – парировала собеседница, – мне вообще казалось, что вы встречаетесь.

– Я? С Пэт? Умоляю тебя! Она слишком свободная, я не готов обуздать такую сильную стихию, – отпив из бокала, заключил парень.

– А мне казалось, ты уже пробовал её...

– О! Да было-то пару раз! И кто тебе рассказал? Сама Пэтти?

– Неа, её друг.

– О, черт. То есть?..

– Да-да. Ты сейчас.

– Неплохой маневр. Хотя я и поддался. Не зря же мы коллеги по цеху, верно?

– Ну, не знаю... Я, если честно, ещё не уверена, что хочу быть журналистом.

– А чего же ты тогда тут делаешь? Без обид. Просто мы только поступили, а ты говоришь, что уже сомневаешься.

– Не знаю, Брай... Ой, ты не против, если я тебя так звать буду?

– Да, пожалуйста.

– Спасибо, ты такой милый, – улыбнулась девушка.

– Да ты тоже ничего себе такая, – рассмеялся Брайан.

– Ну, спасибо. Я тут стараюсь, значит, а он... Ты, кстати, помнишь, как меня зовут?

– Конечно же! Крис, да?

– Почти попал, но...

– Да Эл, Эл! У меня хорошая память, не беспокойся. И я внимательный, особенно к таким красавицам. Тем более, в нашем деле без внимания никак.

– Складно говоришь, – за журналистику?

– Давай! Чтобы мы стали самыми отвязанными и беспринципными журналюгами!

– А что? Мне нравится, как это звучит, за нас!

Студенты звонко чокнулись бокалами и вмиг осушили их.

– Неплохо, неплохо, – довольно улыбнулся Брайан, – а с этими вишенками так вообще убойная смесь.

– Не то слово, знал бы ты, как меня тут бросало по памяти с Пэт.

– Верю, верю, Эл, я сам знаешь ли... О, кстати!

– ММ? – снова приложившись к стаканчику, подняла бровь девушка.

– Почему Эл? Тебя действительно так зовут? Нет, интересное имя, конечно, но...

– Ты не первый, кто об этом спрашивает.

– Так и?..

– Это сокращение просто такое. Меня Гелла зовут, приятно познакомиться.

– А мне-то как. Можно? – улыбнулся Брайан, беря ладошку собеседницы.

– А это?.. – смутилась Гелла, увидев, как её друг быстро чмокнул её в костяшки на ручке.

– Это я так подкатываю, – подмигнул Брайан, после чего оба расхохотались и отметили это очередным тостом.

– Ты, кстати, почему не в холле? Там же сейчас самое веселье!

– То же самое могу и у тебя спросить.

– Да меня сюда Пэт привела, сказала, что устала...

– Странно, она и мне то же самое ... А, понятно! Ты ведь о том же подумала?

– Хочет нас свести?

– В точку!

– Ну и зря, – фыркнула Гелла, – ты, конечно, тоже вроде

«ничё так», но...

– Да не злись, я же пошутил!

– А, так ты уже заднюю включаешь?

– Тайм-аут, мне надо выпить.

– Взаимно, – за что?

– За Тебя, малышка, – улыбнулся Брайан.

Гелла смущенно поджала губы и ехидно завершила тост – за тебя, красавчик, – после чего на фоне отбивающей ритм музыки вновь зазвучала симфония звонких бокалов.

– Почему Гелла ? – решив удовлетворить свое любопытство, поинтересовался «красавчик».

– Мм? – допивая, подняла глаза девушка.

– Я, например, лично ни одной Геллы не знаю, вот и спрашиваю. Хотя нет, вру, – закрыв глаза, Брайан стал жмуриться и водить бровями.

– Эй! Ты в порядке? – хихикнула Гелла.

– Точно! Вспомнил! Это же героиня романа! «Калейдоскоп»! Читала?

– Нет, но знаю его, – вздохнув, нехотя ответила девушка.

– Да? А ну хотя чему бы удивляться, книжка этого психа у всех на слуху.

– Этот «псих» – мой отец, – высунув язык, передразнила Гелла своего неосведомленного приятеля.

– Серьезно? Ой, прости, я же не знал...

– А знал бы – сказал по-другому? Мой отец действительно был странным, – грустно улыбнулась Гелла.

– Эй, мне правда жаль.

– Я тебя прощу, только ...

– Брайан глотнул.

– Если ты нальешь мне ещё.

– О! А не часто ли?.. Все, все! Уже все сделано, – не выдержав укоризненного взгляда, засуетился Брайан.

– Так всё-таки почему Гелла?

– Так звали героиню его романа. Ну, Брай, включай декламацию. Что же тут непонятного?

– Я же будущий журналист, а не телепат!

– А разве профи не должен быть и тем, и другим?

– Вот тут права! Даже добавить нечего! – расплылся в хмельной улыбке парень.

– То-то же!

– А ты почему не стала придумывать имена своих детей в книжке?

– То есть?

– Ну, почему не стала писателем? Раз нравится писать, журнализм ведь дело неблагодарное...

– Хм, – задумалась Гелла, – наверное, я не хочу фальшивить.

– То есть? – передразнил её Брайан.

– Я росла в семье писателя и не могу сказать, что профессия как таковая мне импонирует. Человек, неважно, в каком жанре он пишет, являясь «рыцарем пера», превращается в такого Дон Кихота, который сражается с ветряными мель-

ницами. Он как бы придумывает несуществующие конфликты и ситуации, которые таким же надуманным образом решает. И зачастую не так, как это должно происходить на самом деле. То есть в любом случае не может человек, который взял ручку, быть до конца честен перед собой и перед тем, кто его читает.

– Разве? Знаешь, я однажды видел интервью твоего отца. И скажу тебе, что он не похож на человека, который стал бы в своих книгах лгать. Даже если ситуации придуманы, в их корне лежат проблемы, которыми автор хочет поделиться. И если они совпадают с занозами в мозгу читателей, то, пытаясь их извлечь, писатель прибегает к метафорам и...

– Все верно. Но я и не обвиняю прозаиков и остальных в том, что они сознательно врут. Нет, просто в своих работах за тоннами ненужных описаний приходится выкапывать то, что действительно может помочь. А вот хороший журналист, если он, конечно, пишет не бульварные заметки, пытается кратко изложить и даже обнажить факты, которые остальные бы не осмелились показать на всеобщее обозрение.

– Хорошо сказано, мне нравится. Но твой отец, по-моему, тоже обнажал, и не столько то, что происходило вокруг, сколько свое сердце. Тем более, он вроде этих вишней использовал и в книге, и вне её, и значит...

Слово за слово, разговор между Брайаном и Геллой переплетался все плотнее, наполняясь все новыми красками и вкусом, и через некоторое время, когда градус в их крови

повысился ещё и беспредельной открытостью экстракта экзотических энергофруктов, их языки, подобно их разговору, сплелись в экстазе, приводя свои аргументы, мнения и выражения. Через некоторое время к ним присоединились и другие части тела. Каждый медленно изучал кожу и запах партнёра, подобно тому, как на слух определялся уровень интереса к собеседнику во время разговора. Сначала беседа состоялась орально. И каждый поочередно воздействовал на гениталии партнёра так, как будто бы играл в пинг-понг, стараясь ловить и отбивать подачи, после чего, в момент соития, точка в нижней части живота у обоих срослась в сгусток энергии, который растекся по венам и сосудам, превращая их в лабиринт удовольствия, в котором, подобно заплутавшему путнику, летал горящий шарик оргазма. После активных движений и стимуляции друг друга языками и пальцами оба партнёра загорелись татуировками символов удовольствия, что посетили их изнутри, давая выход вибрации шарика тепла, который залил их тела, разрушая все стенки, которые его сдерживали.

– Я в туалет, – через пару минут сладкого молчания и отдыха, прошептала Гелла.

– Не задерживайся, – улыбнулся ей в темноте Брайан.

– Я быстренько, – чмокнув на прощанье второго пилота, хихикнула в ответ девушка.

Спорхнув с кровати, Гелла подошла к двери и, отворив её, залила мир нестерпимым светом.

3. – Здравствуйте, вы кто? – раздался голос, исходивший из эпицентра солнечного взрыва.

– Доброе утро...

– День уже вообще-то.

– Гм, добрый день, – поправила себя девушка, все ещё пытаюсь приспособиться к яркому свету.

– Да, боже ты мой, – устало выдохнул светлоликий хозяин конторы, щелкнув пальцами, после чего волшебное сияние потухло.

Девушка тут же выпрямилась, встретившись взглядом с женщиной постарше, которая сидя за столом в паре шагов от неё внимательно рассматривала пришельца.

– В ногах правды нет, – так же внезапно, вновь нырнув в волны бумаги, бушующих на поверхности стола, от которых она, видимо, резко оторвалась, проговорила женщина, – садитесь.

– А? Да! – быстренько подпрыгнув к столу и присев напротив, заторопилась девушка.

– Рассказывайте, – все так же, не отрываясь от буйства бумажной стихии, прогоготала местная богиня, – с чем пожаловали?

– Да вот я тут...

– Так! Соберитесь как следует и представьтесь!

– Да, да... Я просто волнуюсь немного.

– Это заметно, – беззлобно улыбнулась женщина.

– Я – Гелла. Гелла Фландерс.

– Вот, можете же, когда захотите! – протягивая совсем по-мужски руку и приветливо улыбаясь, отвлеклась от бумажной волокиты женщина, – Розмари, главный редактор, будем знакомы.

– Очень приятно! Спасибо, что нашли время.

– Так, так! Не стоит распыляться по мелочам. Я вас внимательно слушаю.

– Да! Я от Брайана значит. Он должен был...

– Вашего жениха я прекрасно знаю, дорогая. Лучше расскажите о себе. Вы раньше когда-нибудь работали в газете?

– Ну я...

– Четко факты, без отступлений.

– Нет, мэм, – к своему полнейшему удивлению отчеканила Гелла, чем несказанно рассмешила собеседницу.

– Тут не армия, милочка, – утирая слёзы с глаз, проговорила Роуз, – я просто хочу, чтобы ты отсекала все лишнее и привыкла смотреть в суть того, что ты говоришь, при этом не теряя ни малейшей детали.

– Так, – вдохнула Гелла, – нет, опыта работы в газете не имею.

– А в командировках была? В горячих точках, возможно по учебе или по пфф... – женщина ухмыльнулась – из-за иных обстоятельств?

– Нет, – так же уверенно ответила Гелла.

– Отлично! – к полнейшей неожиданности вскрикнула на-

чальница.

– А время у нас?.. – поглядев на часы, нахмурилась Розмари – оу, у вас через пару часов самолёт. О вещах не беспокойтесь! Всё самое необходимое вам выдадут...

– Стоп! Стоп! – запротестовала Гелла, – какой ещё самолет? Куда?

– Выразусь как можно более точнее – у вас самолет в 18:00 по ...

– Нет! Я же ещё даже не начала работать у вас! Я ничего не знаю и...

– Вот именно!

– Что? – удивилась Гелла.

– Это идеально и для нас, и для вас.

– Я не понимаю, объяснитесь.

– Мы не можем отправить туда кого-то из своих или нанять профессионального журналиста.

– Почему?

– Потому что мы уже довольно много нарыли про это...

Вы ведь знаете про недавние события?

– Про какие?..

– Да ладно вам! Самое громкое во всех смыслах.

– Пламя Колизея? – неуверенно проговорила Гелла.

– В точку, и вы ведь знаете, что случилось потом?

– Догадываюсь, о чем вы говорите.

– Ещё бы!

– Так почему именно я?

– Вы девственны.

– В смысле? – смутилась девушка.

– Вы только вскользь слышали об этих всех событиях, и ещё не имеете предвзятого мнения о том, что сейчас назревает. Плюс работа в нашей газете весьма специфична... То есть вы убьёте двух зайцев сразу: посмотрите на изнанку нашей работы, какая она может быть, и уясните для себя, подходит ли она лично вам. Договорились?

– Ну...

– Никаких ну. Да или нет. Или вы едете прямо сейчас домой или в аэропорт. Решайте.

– Да! – неожиданно для самой себя, чуть ли не со слезами на глазах, но с несгибаемой решимостью в голосе выкрикнула Гелла.

– Вот такой боевой дух нам и нужен! Внизу вас уже ждет человек, он довезет вас и выдаст все необходимые документы, инвентарь и проинструктирует насчёт...

– Один вопрос, последний, можно?

Женщина удовлетворенно кивнула в ответ.

– Куда все-таки я направляюсь?

– Я думаю, вы и сами прекрасно догадались обо всём.

– Значит это...

– Земля Солнечного Утконоса.

4. Вокруг стоит нестерпимый холод, поскорее бы добраться домой. Господи, похоже, погода под стать тому, что сей-

час происходит. Как же я могла быть такой дурой? Нет, все мы... Как мы могли быть настолько слепы? Как могли не замечать... Нет, скорее всего, мы просто притворялись. А как известно, невозможно заставить видеть того, кто упорно сам закрывает глаза на все. Мои бумаги! Я должна забрать их как можно скорее. Туда, да... ещё пара поворотов. Ой! Чёрт. Чуть не упала. Настоящая ледяная пустыня. Даже снег не хочет падать. Будто ждёт чего-то. Не к добру это все...

Кто там? Тень? Или кто-то следует за мной. Господи, Элли, хватит уже параноить. Привыкнуть пора, но всё равно... Нет, к этому невозможно привыкнуть. Мне страшно. Может позвонить? Нет, я так только привлеку ещё больше внимания со стороны. Черт, я даже не знаю наверняка, следят ли за мной. Спокойно. Ещё пара шагов, и я... Твою ж! Открывайся, неужели замок тоже замёрз? Как и всё в этом проклятом мегаполисе? Нет, нет, всё в порядке, вот я уже и в подъезде. Фуф! Скорее наверх, нужно вызвать лифт!.. Почему же так долго? Давай же? И... чёрт, дверь, подъезд, она, видимо, все ещё открыта! А если кто-то успел проскочить? Может побежать по лестнице вверх? Нет, успокойся, кто мог...

– Гелла! – раздалось из-за спины.

Сердце девушки ушло в пятки, и она медленно обернулась.

– Господи! Как же ты меня напугал, – со слезами на глазах бросилась журналистка в объятия старого друга.

– Вот и лифт. Заходи, мне нужно забрать кое-какие бума-

ги из дома и успокоить мужа. Как ты тут оказался, неужели переплыл целый океан? Да что с тобой?

– Элли, прости меня, я не знаю, как, но прости...

– Что? Да о чем ты?..

5. – Слышала новость?

– Какую?

– Убит советник Императора Стивенсон. Говорят, что это сделали шаманы из «Лилового Трайба».

– Брайан, но не с утра же... Эй! Не поняла... – девушка спросонья протирала глаза, с удивлением глядя на своего друга, который в спешном порядке собирал свои вещи, – скажи, что ты пошел за чем-нибудь вкусненьким, а не поехал халтурить для какого-нибудь второсортного портала.

– Как вернусь, так обязательно куплю... И, кстати, уже вечер! Засоня.

– Началось! Это что, правда так важно?

– Ну, во-первых, это моя работа, а во-вторых, неизвестно, как это повлияет на дальнейший ход конфликта. На наших глазах творится история, и, я думаю, мы не вправе оставаться в стороне, будто бы нас это не касается.

– Ну а тебе-то зачем ехать?.. – пропустив мимо ушей пламенное объяснение Брайана, зевнула Гелла.

– Убийство персоны такого ранга – не простой акт нарушения договора со стороны ЛТ, а...

– Кого?.. – сонно протянула девушка.

– ЛТ – сокращение «Лилового Трайба», по первым буквам. Если они не могут сами справиться с угрозой внутри своей страны, которая выливается и за её пределы, то Империя обязана будет вмешаться.

– Ну и сдались тебе этот ЛТ... и этот Стивенсон, какой-то ерундой занимаются ей богу...

– А мне кажется, это ты ерундой занимаешься, – внезапно огрызнулся Брайан.

– Брай... – нежно промурлыкала подруга, – ну прости, я понимаю, как это важно и...

– Это не просто важно! – продолжая настраивать свою камеру, взорвался молодой человек, – это жизнь, моя жизнь, твоя, наша, мы же живем в Империи, а не во внешних землях. Тем более я журналист, да и ты вообще тоже! Так что...

– Ладно, зануда! – выпрыгнув из-под одеяла и потянувшись, провозгласила девушка, – я с тобой! даже краситься не буду, пусть все видят, какая с тобой страшная...

– Брайан улыбнулся и, в один прыжок сократив расстояние, чмокнул подругу: «Элли, ты у меня самая красивая, особенно по утрам».

– Ага! Я сейчас даже в зеркало смотреться не буду! – высунула язык подруга.

– Ну, не хмурься! – подобрел Брайан, видя, как сонное состояние Геллы внезапно переросло в оживленный поиск нужного инвентаря.

– А почему Стивенсон? – спросила Гелла, заплетая воло-

сы в хвостик, чтобы не мешались.

– Есть парочка версий, но я пока что оставляю их при себе.

– А что? Боишься, что ошибешься?

– Да нет, – помрачнел Брайан – боюсь, что моя версия окажется... Да что ещё за!.. – вспыхнул Брайан на жужжащий коммуникатор.

– Да, Стейси! – прокричал он в гарнитуру, – я же сказал, что уже выезжаю, со мной ещё поедет Гел и... Что?! – Брайан выпрямился, чуть не выронив при этом дорогостоящую камеру, которую придерживал второй рукой.

– Что случилось? – обеспокоенно спросила Гелла.

– Колизей... – Брайан замолчал на секунду, – сгорел к чертовой матери.

6. Я, конечно, ожидала, что к работе придется приступить в скором времени, но чтобы через пару часов после так называемого «собеседования»... Но это ещё ладно. Каково же было моё удивление, когда прямо в аэропорту мне дали эту военную форму с голубой повязкой и посадили на вертолёт! Нет, безусловно, я уже многое повидала, но в такой авантюре участвую впервые. Как там Арчи? Надеюсь, мама справляется... Чёрт! У меня даже не было времени, чтобы им позвонить и узнать, как дела.

Вокруг Геллы сидело с дюжину вооружённых до зубов имперских солдат, которые периодически кричали что-то под самое ухо. Услышать их было невозможно из-за непрекраща-

щающегося рокота вертолетной вертушки.

Надо как-то разузнать, сколько продлится эта наша командировка и... Что ещё? Ход мыслей Геллы прервал гул, заглушивший даже рокот над головой и заставивший её не на шутку испугаться, когда вместе со взрывной волной которая качнула стальную птицу, рядом вспыхнул ярко-зелёный столп огня.

Геллу не на шутку заколотило, она понимала, что если бы ловушка ЛТ сработала на пару десятков метров ближе к их технике, то от них бы ничего не осталось.

— Не бойся! — кое-как перекрикивая собой внешний шум, обратился Солдат, сидящий рядом.

— Что?! — вздрогнув от двойной неожиданности, взвизгнула Гелла.

— Я говорю, — наклонился ближе имперский воин, — не бойся! Такую хорошенькую девушку мы в беде не бросим, защитим обязательно! Так ведь, парни?! — с этими словами он подал какой-то свой знак сидящим сослуживцам, и те одобритительно заулыбались и сдержанно закивали.

— Нас ведь так и не представили, — стараясь перекрыть своим басом буйствующий вертолёт, продолжил разговор имперец, — меня Джеймс зовут, можно Джим!

— Ой, меня Гелла, — засуетилась журналистка, — можно Эл.

— Эл? — как-то слишком по-мужски — по-доброму заулыбался Джим.

Практически забыв об опасности, которую таила в себе

территория ЛТ, Гелла, стараясь не волноваться от неожиданно завязавшегося разговора, выхватила из-за пазухи маленький блокнотик с авторучкой и начала делать пометки.

– Да, – наконец отозвалась она, – мне частенько так говорят. Но тут, – она кивнула в салон, полный солдат, – и обстановка не для девушек!

– Это верно! – залившись смехом и хлопнув себя по коленке, продолжил Джим. – Нечего таким красавицам делать в стане врага.

Гелла физически почувствовала, как энергия и оптимизм этого удивительного человека потихоньку проникают и в неё тоже, заставляя ощущать себя не героем театра боевых действий, а участницей какой-то туристической группы.

– Кстати о враге! Как думаете, сколько ещё продлится конфликт?

– О! Это уже интервью? – просиял солдат, – гм, ну это уже моя девятая командировка! Скоро будет юбилейная, десятая!

– О! – удивилась Гелла, – да вы самый настоящий ветеран! – И сколько вы уже здесь?..

– Хм... Дайте-ка подумать... Без малого пять лет.

– Пять лет! – ахнула Гелла.

– Да... Но что поделать! Ничего другого не умею! Кто ж мог предсказать, что это всё завяжется именно в наше с вами время.

– А вы как сами думаете? Когда все закончится?

– Ох-ох, трудно сказать, но надеюсь скоро. Я все надеюсь, что к моей «десятке», – просиял имперский служащий, – всё закончится! Да! Вот такой подарок будет! – подняв большой палец вверх, просиял солдат.

– Это было бы здорово! – улыбнулась Гелла в ответ, – а что вы думаете насчет самого трайба?

– Шаманов-то? – совершенно буднично бросил Джим, – а что мне про них думать? Есть и есть себе.

– То есть вы не испытываете к ним ненависти?

– Я? – удивился Джим, – знаете, по этому поводу...

– Впереди обнаружены силы противника, – объявил скрипящий голос по рации из рубки пилотов, – всем надеть защитные шлемы!

– Ладно, на земле договорим! – доставая из-под сиденья шлем, подмигнул солдат.

– Последний вопросик! Скажите, пока я не убрала книжку... Как думаете, кто виноват в конфликте?

– Мы.

– То есть, совет Империи?

– Да нет, голубушка. Мы все.

Вертолёт тряхнуло, и прежде чем журналистка успела задать дополнительный вопрос, в салоне загорелся красный свет и весь экипаж начал чрезвычайно быстро надевать кислородные маски, по крайней мере, таковыми они показались девушке.

–Что?... – хотела было протестовать она, но в это же

мгновение ловким движением руки её собеседника защитная маска оказалась на лице перепуганной журналистки. В голове крутились слова солдата: мы все, мы все, мы все... Сливаясь в однородную мантру, они уносили ум из тела вертолёта. Подальше от вражеской атаки в воздухе, подальше от гула летящих снарядов, пота солдат и застывших джунглей, когда очередная зелёная вспышка обрушилась с неба, сжигая все, что становилось у неё на пути.

7. Летний зной плавил всё, включая подрагивающий воздух. Фокусируя взгляд на ветвях дерева, которое заботливо прикрывало от палящего солнца, становилось заметно, как они идут волнами, подобно водорослям на дне океана. Вместе с тем небо было таким же бесконечным и таким же величественным, как и бесконечные воды, поэтому складывалось четкое ощущение того, как это дерево, изменяя свою форму, становилось центром, пресечением двух божественных царств – небесного и морского. Уже можно было почувствовать, как эфир вокруг превращается из газообразного состояния в водянистое...

– Брай! – возмущенно прикрикнула Гелла на своего друга, после того как тот вылил часть содержимого своего стакана на оголённый живот своей пассии, оторвав ту от созерцания.

– Эй! – улыбаясь, захихикал Брайан, – такая жара, вот я и подумал, что тебе стоит освежиться! Но если тебе неприятно, то не переживай – я могу все это с тебя слизать...

– Не так быстро, – кокетливо улыбнулась Гелла, остановив нагибающегося приятеля своей ножкой. – Ты взял, что хотел?

– А то! – кивнул Брайан, поднимая по стакану каждой рукой, – и вот, на тебе ещё.

– Только не говори, что... Господи, Брай! Я же вся липкая буду!

– Поэтому я и предлагал... Хорошо, не буду, сама отказываешься! И, кстати, оно, как вода, практически и совсем не пахнет.

– Ты же говорил, что никогда не пробовал фруктовую выжимку! И к тому же, ты же только что приносил нам эти стакашки!

– А я только что, пока до магазина ходил. И да, ты, видимо, перегрелась на солнышке, – невозмутимо ответил Брайан, – потому что я отходил всего раз от тебя за сегодня.

– Ладно, – выдохнув, ответила Гелла, – Кто-то, кажется, говорил, что вместе выпьем.

– Прости, прости! Это всё моё мужское эго. Я же должен везде, всегда и во всём быть первым... Ау! Чего щипаешься?

– Не паясничай! И не надо меня пародировать!

– И смеётся сама!

– Дурак!

– Ладно, проехали, на! – протянув прозрачный стакан, скривил рожицу Брайан.

– Что за наглость!

– Ох, простите, не соизволите ли испить сию чашу за окончание пятилетней каторги на факультете журналистики?

– Так-то лучше, сэр! С удовольствием с вами выпью!.. Чего ржёшь?!

– Ладно, всё–всё! А то мы так никогда не выпьем. Поехали!

– Хм, действительно, – отпив немного, нахмурилась Гелла.

– Что?

– Без вкуса. Совсем. Хотя... Отдаёт ананасом немного...

– А мне кажется, больше на клубнику похож! О, кстати! Об этом мне сказал продавец в лавке! О том, что этот напиток показывает каждому человеку что-то своё. Что-то, что есть в нём и ни в ком другом! Соответственно и привкус для каждого свой будет. Как думаешь, почему тебе ананасом показался?.. Чего морщишься?

– Да тут не просто ананас, а даже какой-то гниловатый ананас! Хотя я даже никогда таких не пробовала! Фу! Как кисло!

– Вау! А мне наоборот кажется, что я съел пару горстей клубники! Ммм, вкуснятина, очень сладкий напиток, как по мне, – улыбнулся Брайан.

– Счастливчик...

– Ещё бы! Я ведь с тобой... Иди ко мне, – подмазался парень.

Затянувшись поцелуем, Гелла и Брайан вдвоём улеглись на траве. Оторвавшись от губ своего друга, девушка продолжила разговор, устроившись на груди Брайана:

– Слушай, как думаешь, чего нам ждать от этой водички?

– Не представляю, хотя всё тот же продавец сказал, что нас ждет незабываемое путешествие.

– Куда это?

– А кто ж его знает? Я его так же вопросом озадачил.

– А он?

– Да не знаю, улыбнулся так хитро. И ко мне подозвал.

– И?..

– Говорит за горизонт. За какой ещё горизонт? Чудной в общем, наверное, устал бедняка в такой солнцепёк работать, да ещё и кондиционеры не работали. Я, кстати, сначала принял его забегаловку за торговую точку храма Цикличности, особенно когда продавец представился как Арчибальд, ты ведь знаешь, как служители этого культа любят брать претенциозные имена древних?

– Да, да, очень интересно! – В этот момент Гелла подняла стакан: давай-ка выпьем лучше.

– А давай! Все равно ничего не происходит от первого залпа! А за что?

– Давай за этого мужчину с алхимическим именем! Чтобы он сегодня так же стойко вынес свою жаркую смену!

– А давай!

– Да блин, может это реально вода обычная? – оторвав-

шись губами от напитка, пробурчала Гелла, чувствуя себя одураченной. – Побрызгал туда каким-нибудь ароматизатором и толкает втридорога туристам! Сколько вообще она стоила?

– Давай сразу третий тост опрокинем, чтоб эти стаканы не держать уже.

– За горизонт!

– Что?

– Тост такой! За горизонт!

– До дна! – улыбнулся Брайан.

– Давай, только не выбрасывай стакашки! Возьмём с собой и выкинем в урну, понятно?

– Как скажете, босс, – с поднятыми руками капитулировал Брайан.

– Так сколько же он стоил? Только не говори, что потратил все деньги с последней публикации на...

– Да он почти ничего не стоил. 1 кредит за 1 миллилитр.

– Что? – поперхнулась Гелла, что за цена? Так-то это дороговато, даже если бы мы с тобой взяли тот абсент, это было бы...

– Нет, нет. Мужик этот с «горизонта» сказал, что достаточно трёх миллилитров на человека, что это как 12 стопарей...

– Стой, стой, стой! – замахала руками Гелла, – ты хочешь сказать, мы сейчас выпили по ...

– Я взял два стаканчика по 0,5 литра.

– Пшш!!!

– Не сдувайся, пожалуйста! Все равно фуфло какое-то – я ничего не чувствую, вот ты пьяная, скажи?

– Нет.

– Ну вот и всё! Пойдем сейчас к этому мужику и скажем – некачественный у вас товар, покажем себя. Вот, мол, мы недовольны его продукцией и пойдем лучше в какой-нибудь паб, чем возьмем добавки у него.

– Может тут полежим лучше сначала?

– Ладно, давай только я в туалет сбегая, что-то меня прижало.

– Стой!

– Ну что ещё?.. А, стакашки, стакашки! Хорошо, сейчас сбегая, по дороге выброшу. Не скучай, красотка.

Брайан чмокнул Геллу и побежал прочь с полянки. Подруга, помахав ему вслед, откинулась головой на крону дерева. Взгляд её был прикован к синеве неба, и её снова посетила мысль о слиянии небесного и океанического начала, которое выразилось в прохладной струе, окатившей её живот.

– Брай! – возмущенно прикрикнула Гелла на своего друга, после того как тот вылил часть содержимого своего стакана на оголённый живот своей пассии, оторвав ту от созерцания.

– Эй! – улыбаясь, захихикал Брайан, – такая жара, вот я и подумал, что тебе стоит освежиться! Но если тебе неприятно, то не переживай – я могу все это с тебя слизать...

– Не так быстро, – кокетливо улыбнулась Гелла, остано-

вив нагибающегося приятеля своей ножкой. – Ты взял, что хотел?

– А то! – кивнул Брайан, поднимая по стакану каждой рукой, – и вот, на тебе ещё.

– Только не говори, что... Господи, Брай! Я же вся липкая буду!

– Поэтому я и предлагал... Хорошо, не буду, сама отказываешься! И, кстати, оно, как вода, практически и совсем не пахнет.

– Ты же говорил, что никогда не пробовал фруктовую выжимку! И к тому же, ты же только что приносил нам эти стакашки!

– А я только что, пока до магазина ходил. И да, ты, видимо, перегрелась на солнышке, – невозмутимо ответил Брайан, – потому что я отходил всего раз от тебя за сегодня.

– Ладно, – выдохнув, ответила Гелла, – Кто-то, кажется, говорил, что вместе выпьем.

– Прости, прости! Это всё моё мужское эго. Я же должен везде, всегда и во всём быть первым... Ау! Чего щипаешься?

– Не паясничай! И не надо меня пародировать!

– И смеётся сама!

– Дурак!

– Ладно, проехали, на! – протянув прозрачный стакан, скривил рожицу Брайан.

– Что за наглость!

– Ох, простите, не соизволите ли испить сию чашу за

окончание пятилетней каторги на факультете журналистики?

– Так-то лучше, сэр! С удовольствием с вами выпью!.. Чего ржёшь?!

– Ладно, всё–всё! А то мы так никогда не выпьем. Поехали!

– Хм, действительно, – отпив немного, нахмурилась Гелла.

– Что?

– Без вкуса. Совсем. Хотя... Отдаёт ананасом немного...

– А мне кажется, больше на клубнику похож! О, кстати! Об этом мне сказал продавец в лавке! О том, что этот напиток показывает каждому человеку что-то своё. Что-то, что есть в нём и ни в ком другом! Соответственно и привкус для каждого свой будет. Как думаешь, почему тебе ананасом показался?.. Чего морщишься?

– Да тут не просто ананас, а даже какой-то гниловатый ананас! Хотя я даже никогда таких не пробовала! Фу! Как кисло!

– Вау! А мне наоборот кажется, что я съел пару горстей клубники! Ммм, вкуснятина, очень сладкий напиток, как по мне, – улыбнулся Брайан.

– Счастливчик...

– Ещё бы! Я ведь с тобой... Иди ко мне, – подмазался парень.

Затянувшись поцелуем, Гелла и Брайан вдвоём улеглись

на траве. Оторвавшись от губ своего друга, девушка продолжила разговор, устроившись на груди Брайана:

– Слушай, как думаешь, чего нам ждать от этой водички?

– Не представляю, хотя всё тот же продавец сказал, что нас ждет незабываемое путешествие.

– Куда это?

– А кто ж его знает? Я его так же вопросом озадачил.

– А он?

– Да не знаю, улыбнулся так хитро. И ко мне подозвал.

– И?..

– Говорит за горизонт. За какой ещё горизонт? Чудной в общем, наверное, устал бедняка в такой солнцепёк работать, да ещё и кондиционеры не работали. Я, кстати, сначала принял его забегаловку за торговую точку храма Цикличности, особенно когда продавец представился как Арчибальд, ты ведь знаешь, как служители этого культа любят брать претенциозные имена древних?

– Да, да, очень интересно! – В этот момент Гелла подняла стакан: давай-ка выпьем лучше.

– А давай! Все равно ничего не происходит от первого залпа! А за что?

– Давай за этого мужчину с алхимическим именем! Чтобы он сегодня так же стойко вынес свою жаркую смену!

– А давай!

– Да блин, может это реально вода обычная? – оторвавшись губами от напитка, пробурчала Гелла, чувствуя себя

одураченной. – Побрызгал туда каким-нибудь ароматизатором и толкает втридорога туристам! Сколько вообще она стоила?

– Давай сразу третий тост опрокинем, чтоб эти стаканы не держать уже.

– За горизонт!

– Что?

– Тост такой! За горизонт!

– До дна! – улыбнулся Брайан.

– Давай, только не выбрасывай стакашки! Возьмём с собой и выкинем в урну, понятно?

– Как скажете, босс, – с поднятыми руками капитулировал Брайан.

– Так сколько же он стоил? Только не говори, что потратил все деньги с последней публикации на...

– Да он почти ничего не стоил. 1 кредит за 1 миллилитр.

– Что? – поперхнулась Гелла, что за цена? Так-то это дороговато, даже если бы мы с тобой взяли тот абсент, это было бы...

– Нет, нет. Мужик этот с «горизонта» сказал, что достаточно трёх миллилитров на человека, что это как 12 стопарей...

– Стой, стой, стой! – замахала руками Гелла, – ты хочешь сказать, мы сейчас выпили по ...

– Я взял два стаканчика по 0,5 литра.

– Пшш!!!

– Не сдуйся, пожалуйста! Все равно фуфло какое-то – я ничего не чувствую, вот ты пьяная, скажи?

– Нет.

– Ну вот и всё! Пойдем сейчас к этому мужику и скажем – некачественный у вас товар, покажем себя. Вот, мол, мы недовольны его продукцией и пойдем лучше в какой-нибудь паб, чем возьмем добавки у него.

– Может тут полежим лучше сначала?

– Ладно, давай только я в туалет сбегая, что-то меня прижало.

– Стой!

– Ну что ещё?.. А, стакашки, стакашки! Хорошо, сейчас сбегая, по дороге выброшу. Не скучай, красотка.

Брайан хотел было чмокнуть её, но Гелла отстранилась.

– Что такое? – удивленно спросил Брайан.

– Ты ничего не подумай, – сдавленно ответила Гелла, – но мне кажется, что это уже было.

– Что было?

Вот это всё!

– Ой, да хватит дурачиться! Я сейчас тут все залью, мне надо в туалет!

– Нет! – схватила его за руку Гелла. Сходи тут.

– Что?!

– Что слышал, – с надрывом в голосе ответила Гелла. – Просто встань за дерево и там уж...

Брайан, прочитав тревогу в глазах подруги, решил не нер-

вировать её, и, пожав плечами, обогнул толстый ствол многовекового дерева и стал справлять нужду. В это самое время Гелла с паническим страхом подняла стаканы, которые поставил на землю Брайан, и с ужасом обнаружила, что они были до краев заполнены похожим на воду напитком.

– Таак, – протянула Гелла, подскочив на месте.

– Ну что ещё? – раздался голос Брайана из-за дерева. Гелла резво обогнула ствол и схватила своего друга, который секунду назад закончил мистерию освобождения организма от нечистот.

– Мы уезжаем отсюда!

– Куда? Мы ведь только расположились тут.

– Именно поэтому мы... – повысила голос Гелла и тут же почувствовала, как дрожит всем телом. Подняв голову, она поняла, что заставило её так волноваться – вместо чистого неба с огненным солнцем на небе сияли звёзды.

– Так, нам нужно домой срочно!

– Ладно, ладно, – согласился Брайан, почувствовав что-то неладное.

– Вон! – вскинув руки вверх, рассмеялась Гелла, сама поразившись внезапно накотившему веселью.

Брайан задрал голову и повалился на свой зад – оп-па! Похоже, мы были тут весь день!

– Так, погнали, – почувствовав, что своим немотивированным смехом она запустила невидимый таймер, вскрикнула Гелла, поднимая брошенный рядом велосипед. Брайан по-

следовал её примеру, и через минуту их набирающие обороты скорости сознания растворились в потоке городских ночных огней.

8. Огни вспыхивали со всех сторон. Казалось, они составляли целый лабиринт, а магазинчики, дома, в которых они расположились, люди, толпами протекающие по улицам их разделяющим, и все остальное были лишь декорациями этого титанического сооружения, всего лишь дополнительными деталями общей экспозиции. Когда произошла посадка, Гелла, выпрыгнув вместе со всеми из вертолёта, ожидала увидеть вокруг себя непроходимые джунгли, так она представляла себе страну Змея-Утконоса. Вместо этого она обнаружила себя на просторной площадке одного из небоскрёбов столицы «Индийской резервации».

Быстрым шагом отряд направился в сторону лифта, который опустил первую часть бригады вместе с журналисткой на уровень разорённых улиц столицы трайба. Именно это было первое слово, пришедшее на ум, когда Гелла в тусклом свете горящих фонарей увидела воронки от снарядов на тротуаре, мусор, разбросанный всюду вперемешку с развороченными бетонными плитами, бывшими когда-то частью домов, оторванными от стальных конструкций построек прилетевшими вестниками смерти. Разглядеть всё досконально Гелле не удалось, поскольку она вместе с солдатами быстро нырнула в бронетранспортёр, который, как выяснилось, уже ожидал

их прибытия. Внутри было очень душно и тесно, несмотря на внешний вид исполинского зверя. Только когда они оказались внутри, Гелла нашла время стащить с себя защитный шлем, который все это время был на ней. Стало чуточку легче дышать. В этот самый момент кто-то легонько ткнул её в плечо. Это был Джим, с которым она успела познакомиться в вертолёте, и который весь путь вниз был рядом.

– Всё нормально? – закричал он, отчего Гелла вздрогнула.

– Ой, прости! – беззаботно засмеялся он, – привычка после перелетов!

Гелла утвердительно закивала, чувствуя передавшийся от солдата энтузиазм.

– А остальные? – спросила она, увидев, как дверь транспортного средства захлопнулась, и он начал набирать скорость.

– Их ожидает вторая боевая единица, – откликнулся Джим, – поедут прямо за нами.

– А разве нам не стоит их подождать?

– У нас гражданский, – улыбнулся солдат, – рисковать не стоит.

– А в чем риск?.. – неуверенно начала Гелла. Её фразу оборвал хлопок, который тут же заставил сам воздух потяжелеть.

– Твою мать... – выругался Джим.

Гелла вжалась в сиденье, чувствуя, что что-то не так.

Джим же, несмотря на жуткую тряску на дороге, встал и, хватаясь за поручни, которые были вмонтированы в корпус,

пробрался к водителям. Они громко кричали, но из-за гула двигателя и тряски разобрать что-либо было невозможно. Примерно через минуту солдат плюхнулся на свое прежнее место. Гелла заметила перемену в его настроении и, пересилив себя, все же поинтересовалась, что случилось, ощущая, что тот громкий звук неспроста взбудоражил её спутника.

– Ребятам из второй группы не повезло, – ледяным тоном отчеканил солдат, тут же приставив два пальца ко лбу и начертив на нём невидимый круг.

Большого Гелле и не потребовалось, чтобы понять, что это был взрыв, который унёс жизни водителя и пассажиров второго бронетранспортёра.

9. – Мы находимся на месте событий, несколько часов назад во время проведения учений для парада имперскими войсками на территории Колизея был произведен взрыв. Предположительно атака была совершена группой шаманов с целью запугать военный контингент и их семьи. Повторюсь, что в результате взрыва были разрушены и близлежащие населенные пункты. Общее количество жертв и пострадавших уточняется...

Гелла делала снимки, пока Брайан бегал от одного своего знакомого журналиста к другому, примыкая то к одной, то к другой группе людей, которые тучами сходились к огромному столпу огня и дыма, исходившего от территории Колизея. Полицейские войска и имперская гвардия были на месте

с передвижными реанимационными клиниками и пожарными станциями. В оцепленном круге, куда допускались только сотрудники вышеупомянутых ведомств, также тенями шмыгали люди в идеально чёрных костюмах.

–Эй, смотри-ка кто здесь – шепнул Брайан своей подруге, оказавшись рядом. Та отвлеклась от фотографирования и встретилась взглядом с одним из тех, кого имел в виду её муж. Мужчина в чёрной рубашке, с перекинутым за плечо пиджаком тоже пристально смотрел на Геллу какое-то время. Лицо его выражало странную смесь из решимости с проглядывающими нотками неуверенности. И в глазах его, которые, помимо всего прочего, были разного цвета, это Гелла отметила отдельно, читался немой укор не то к окружающим, не то к самому себе. Момент контакта кончился так же внезапно, как и возник, вместе со скрывшимся за лентой ограждения сотрудником специального подразделения.

– отряд Сердца, им-то что тут нужно? Это ведь дело военных! – отметил Брайан.

Будто бы в подтверждение этому Человек в чёрном вступил в словесную перебранку с одним из имперских офицеров.

Разговор было невозможно услышать с такого расстояния, а путь всем журналистам преграждали не только натянутые ленты безопасности, но и эскадроны войск Империи. Они охраняли так же и пострадавшие близлежащие дома, не допуская никакого присутствия посторонних лиц.

– Я не знаю, – тихо проговорила Гелла, чувствуя, что, несмотря на всю предубежденность по отношению к отряду Сердца, этот человек не показался ей опасным, скорее, наоборот, – вызвал симпатию.

– Ну, где же он? – в очередной раз подбежав к Гелле, протараторил Брайан, пытаясь дозвониться до кого-то.

– Слишком много шума от тебя, Би, и так разбудил, чего ты ещё...

– А! Вот и большая шишка! – протянув руку, чтобы поздороваться со своим другом, улыбнулся Брайан.

– Идем, – холодно бросил генерал, сопровождаемый двумя старшими офицерами. Брайан сделал жест Гелле, и они вместе прошмыгнули вслед за «шишкой» за плотную завесу охраны.

– Что же случилось, Сеймур? – включив записывающее устройство, обратился Брайан.

– Не видишь что ли? – Колизея больше нет, эти блядские лиловозады сожгли не только человеческие жизни, но и достоинство всей Империи!

– Я вижу, Си, но как так получилось? То есть такой радиус покрытия! Как же они протащили нечто подобное прямо в центр столицы?

– Это ты их лучше спроси! – побагровев, рявкнул Генерал.

– И что ты думаешь?..

Гелла уже не слушала разговор этих двоих, отстав от них. Её взгляд приковала организованная площадка между моду-

лями передвижных клиник. На неё сваливали останки людей, которых доставали из-под завалов. Некоторых сложно было уже опознать как людей. Обугленные тела сразу же заворачивались в мешки для дальнейшей экспертизы. Другие части тел, руки ноги, также сворачивались и, как вещдоки, должны были отправиться прямиком в ближайшие экспертные центры. Помимо тел солдат несли так же и гражданских. Это девушка поняла по маленьким скрюченным тельцам детей. Закрыв руками рот, чтобы не вскрикнуть, Гелла беззвучно, как призрак, стояла среди толпы людей в форме, которые сновали туда-сюда, не обращая внимания ни на её немые слёзы, ни на начинающийся ливень, который вот-вот готов был залить всю империю.

10. Капли дождя медленно летели сквозь пространство навстречу страждущим умам, которые готовы были впустить в свою жизнь кусочек чуда. Началось оно с того, как двое молодых людей влетели на своих двухколёсных ракетах в бурлящий городской котёл. Огни ночного города переливались различными цветами, и, ошарашенные этим буйством красок, они вдвоём стояли посреди калейдоскопа вспышек неземной красоты. Красные, зелёные, фиолетовые отражения лучей прыгали от всех поверхностей, проникая в череп и пронзая мозг кистью самого умелого художника – жизни. Тем не менее, даже самая искусная картина не способна передать глубину мира, поэтому на помощь тут пришла музы-

ка, которая, физически ощущаемая, нырнула в головы любящей парочки и в одну секунду заставила их сердца биться ещё чаще. Они переглянулись и, не проронив ни слова, рванули на поиски источника этого вибрирующего пиршества. Но как же найти его? В таком большом городе? Среди стольких улиц и домов? Ответ тут же пришёл сам собой, точнее, сжался до размера тропы, которая начала проявляться прямо под колёсами путешественников. Гелла на секунду замялась и остановилась, тропа вместе с ней также перестала проявляться и застыла. Тут же произошло ещё одно любопытнейшее событие. Весь мир, включая машины вокруг, пешеходов, стены домов, как будто погас, а дорога впитала в себя всю жизнь и энергию огромного мегаполиса. Она как будто звала: давай! Вот она я! Твоя вечная спутница! Просто иди вперед! И я приведу тебя, куда нужно! Ведь я всегда с тобой, с самого рождения. Гелла сама не заметила, как уголки её губ соскочили вверх и она оторвалась от земли. Теперь она стала космическим путешественником, чей простой, но чрезвычайно мощный звездолёт уже летел по Млечному пути. Он, вибрируя и принимая своими системами наведения яркие узоры бесконечности, разбрызгивал их по обе стороны, создавая по дороге весь мир, который становился декорацией для космического скитальца. Геометрические сплетения дороги взметнулись вверх, слившись вместе с потрясающей нотой музыки, которая объединила Геллу с Брайаном в единый поток сознания, который, раскалившись до предела и мак-

симального надрыва, взорвался оргазмом ощущений, оседая фиолетовым дымом, за которым следили две пары по-детски любознательных глаз. Этот дым превращался в маленьких уродливых карликов, которые прыгали через обручи, создаваемые из собственных тел, грызли друг друга, соединялись и вновь разбегались в тысячи сторон. Потом они снова собирались и превращались в бабочек, которые скрывали, а затем и вовсе уничтожали их уродство. Маленькие крылатые насекомые оказались крошечными людьми-эльфами, которые с большим любопытством потянулись к двум исполинам, которые с интересом рассматривали их.

– Не бойтесь, можете поиграть с ними, – промурлыкал незнакомый голос.

Два гиганта, тут же поражённые глубиной и силой этих слов, как вкопанные встали не в состоянии издать хотя бы какой то звук. Перед ними стояла ещё одна Гелла, так сначала показалось обоим, затем каждый из них увидел перед собой Улыбающегося Брайана, а затем по фигуре напротив пошла рябь и среди извивающихся линий, которые подобно любовникам извивались в объятиях друг друга, возникла иная, третья фигура, настолько мощная для обыденного восприятия, что ни у кого из присутствующих не было сомнения, что это был бог.

– Странник Арчибальд, – поклонился небожитель, – к вашим услугам.

– Здрасьте, – выдавила из себя Гелла и тут же рассмеялась.

– Привет! Привет! – закивал Брайан, – это же ты дал мне эту бесполезную водицу!

– Ну а кто же ещё? Если не я? – улыбнулся в ответ Арчи.

– И что это такое? – продолжая разглядывать странника, спросила Гелла. Она видела в лице пришельца черты лица, как мужские, так и женские. Кожа его была угольно-чёрной. Её разрезали плавающие неоновые татуировки. Становясь фиолетовыми, они заливали светом всю кожу, которая затем продолжала менять цвета.

– Всё, а может ничего, – сжавшись и прикинувшись кош-кой, кокетливо улыбнулся странник.

Два вопроса были абсолютно глупыми, как и ответы на них. Но в их простоте и очевидности заключалась такая сила, что ум при нужном угле восприятия мог рассмотреть в них ключ, объясняющий все процессы, происходящие в мире.

– Ты мне нравишься, – погладил по щеке незнакомца Брайан.

– Ты мне нравишься, – вторил тот.

– Я ненавижу тебя, – проскрипела Гелла.

– Как и я тебя, – сузив глаза, прошипел незнакомец, после чего все рассмеялись и долго не могли остановиться. Смех гроыхал и сливался с той удивительной музыкой, которая лилась из прилавка со стоявшим внутри продавцом чуда.

– А вы всем даете почувствовать это? Как вы нас нашли? – с восторгом спросила Гелла.

– Я ничего не даю и никого не нахожу, вы сами взяли и нашли. Точнее, поняли, что можете это сделать, если захотите. Или не можете, нет так нет.

– Как ты сказал, прямо в точку! – воскликнул Брайан.

– Точка есть то место, куда мы хотим вернуться, не так ли?

Брайан хотел что-то сказать, но вместо этого зарыдал.

Гелла, казалось, готова была заплакать вместе с ним, весь мир пошел волнами скорби, и оба человека, схватившись друг за друга, крепко обнимались, осознавая, что стоит им отдалиться друг от друга, то весь мир будет разрушен войной или ещё чем похуже.

Вокруг них летали маленькие феи и создавали водоворот, в котором Гелла и Брайан, меняясь телами, плясали, стараясь во что бы то ни стало достучаться друг до друга. Они бились о стенки этого урагана, пытаясь взорвать его изнутри, и когда казалось, что им уже не выбраться, каждый из них закричал.

– Вот так, – улыбнулся Арчибальд, – думаю, теперь все будет хорошо, – а я смогу разгадать загадку.

С этим словами Гелла распахнула глаза и обнаружила себя совершенно голой, сидящей сверху на таком же абсолютно нагом Брайане.

– Привет, – как будто первый раз увидев своего друга, улыбнулась девушка.

– Привет, – улыбнулся тот в ответ, после чего парочка прижалась друг к другу.

После крепких объятий они, уставшие, но счастливые, поднялись и обнаружили себя около закрытой двери маленькой лавки, на которой был выгравирован ромб с вписанным туда оком. У входа стоял старый проигрыватель, играющий снова и снова одну и ту же мелодию.

– Пора нам написать и свою музыку, – сказал Брайан, нажав на стоп.

– Согласна, – кивнула Гелла – но сначала... – она присела и подобрала маленькую упаковку мармелада в форме крохотных разноцветных бабочек, – стоит подкрепиться.

– Спасибо, – угостившись, поблагодарил свою подругу Брай.

– Слушай... – начал Брайан.

– ...а где этот? – закончила Гелла. После маленькой паузы оба поняли, что между ними произошло нечто из высшего порядка. И даже не стоит наседать и пытаться объяснить эту секунду. Ответы рано или поздно найдут их сами.

Взявшись за руки, они медленно пошли к своим брошенным посреди дороги велосипедам, на которых их покорно ожидала одежда, которую тем не менее ни один, ни другой не спешила надевать, ощущая её ненужность.

11. – Надень его, – приказным тоном оповестил журналистку её новый знакомый.

– А... Да... – закивала та в ответ, водружая на голову странный предмет. Солдат что-то покрутил на странной

«шапочке», после чего раздался щелчок.

– Зачем это? – обеспокоенно спросила Гелла.

– Так нужно, – улыбнулись ей в ответ, – чтобы смогли потом найти.

– Ког?.. – начала Гелла, но в этот же момент раздался громкий скрип, и машина остановилась. Дверь транспортёра распахнулась, и отряд все так же собранно, но менее быстро покинул чрево стального гиганта.

Гелла с удивлением обнаружила себя стоящей посреди просторного поля, на котором была расквартирована местная база Империи. Журналистка осторожно ступала по земле, следуя за солдатом, который жестом дал понять, что следует идти за ним.

По обе стороны от дороги были воткнуты стальные палки, которые огораживали нечто, что находилось на территории, располагавшейся за ними. Гелла силилась увидеть, что же это было, но попытки эти были тщетны, поскольку свет не падал на эти участки. Тут она вспомнила про странный предмет, который был у неё на голове, и додумалась, зачем он ей был нужен. Гелла протянула руки к макушке и опустила систему наблюдения себе на глаза. Сначала все покрылось ещё большим мраком, но затем появилась вспышка, которая чуть не ослепила Геллу. Через пару секунд, когда её глаза привыкли к новому видению мира, она увидела гротескное зрелище, заставившее журналистку содрогнуться. За стальными столбами, подобно грядкам, были расположены рых-

лые траншеи, из которых, подобно саженцам, на одинаковом расстоянии друг от друга торчали человеческие головы. Гелла ужаснулась, увидев этих мертвецов, и чуть не закричала, когда её внимание привлекло похлопывание по плечу.

– Эй, эй! – Гелла резко обернулась и впиалась датчиками в лицо уже знакомого солдата, – мы почти пришли, – с этим словами он аккуратно снял с неё визор, и призраки исчезли, – команданте уже ждет вас. Гелла посмотрела перед собой, на зияющую дыру в палатке, которая уже поглотила её знакомого. Набрав побольше воздуха в грудь, девушка ступила во чрево неведомого монстра. Зайдя внутрь палаточного монстра, Гелла уткнулась взглядом в толстого команданте, который лениво перебирал кипу бумаг, разваленных по всему столу, стоявшему перед ним. В это самое время солдат подал жест журналистке, и та неуверенно приземлилась на один из стульев, стоявших у чёрного стола.

– Чем обязан? – не отрывая взгляда от бумаг, просипел армеец.

– Гм, – меня зовут ... – откашлявшись и набрав побольше воздуха в легкие, приготовилась отчеканить заранее приготовленную речь Гелла.

– Так, – резко сменив тембр голоса и оторвавшись от бумаг, отрезал имперец, – я знаю кто ты и откуда. Спрашиваю ещё раз громко и отчётливо: чем обязан?

Гелла опешила, совершенно не понимая, чего на самом деле от неё хотят. Точнее, что-то ей подсказывало, что един-

ственное чего хочет от неё этот тучный господин, – это того, чтобы её не было ни в этой палатке, ни где-либо ещё в его поле деятельности.

– Очень хорошо! – не показав своего удивления, бодро продолжила Гелла, – что это за мракобесие у вас там около палатки? Вот мой первый вопрос.

Бравый команданте от такой наглости побагровел, округлив глаза, – Ещё раз?

– И долго этот солдафон будет вопросы задавать? – подумала Гелла. Это я у него интервью беру, в конце концов!

– Головы. – Они торчат у вас тут прямо из-под земли. – Что это такое? Новые виды фруктов? – решила подшутить Гелла.

Капитан сузил глаза и встал из-за стола, – пойдёмте, – чуть не снеся своей тушей Геллу, буркнул чин, выйдя на улицу.

12. Пробиваясь через пульсирующие потоки информационного эфира, отколовшаяся единица мира пыталась осознать себя и справиться со всё новыми и новыми ощущениями. Но кто вообще сказал, что она на это способна? И к чему вся эта рефлексия, граничащая с шизофренией? Это же атрибут, присущий только для «мыслящего» существа. Безумием можно считать саму попытку отделить себя от светящегося всезнанием непознаваемого. Что? Ага! То-то и оно. Уже началось отделение, иначе бы даже таких мыслей про-

сто бы не возникло. Одновременно с этим процессом познания смысловые структуры стали порождать геометрические узоры, сплетавшиеся в любовном танце и проецировавшие внутрь себя голографический мирок, в который уже соскользнул любопытный ум в попытках отыскать вершину своей манифестируемой им же самим воли.

– Эй, жирный! – оскалилась родившаяся идея с гордым именем Стивен.

– Ф... Фто?! – неуверенно промямлила вторая, которую звали Бобом.

– Иди сюда, – приказал Стив.

– Да зачем вообще это тебе? – вклинилась третья.

– Я покажу, – ухмыльнулся в ответ её друг.

– Если это все какая-то шутка... – осторожно помахал рукой Бобби, остановив свой взгляд на Гелле.

Та улыбнулась в ответ, но её лицо тут же заслонил Стивен.

– Закрой глаза, – я покажу тебе фокус.

– Какой? – удивился Боб.

– Закрой, – раздраженно повторил Стивен.

Парень послушно закрыл глаза.

А теперь, – Стивен отошел назад, – я покажу тебе звёзды! С этими словами идея, переставшая просто быть таковой, со всей мочи ударила Боба в живот ногой.

Тот, жадно глотая воздух, согнулся пополам.

– Стив! – испуганно вскрикнула Гелла.

– Представление только началось, – расхохотался Стивен,

в следующий момент обрушив на голову Боба сцепленные в замок кулаки.

– Вот! Сейчас что-то похожее, – загоготал он, – ну что, ты видишь? Видишь их?! Звёзды!

Боб валялся в пыли, всё ещё пытаюсь выдохнуть.

– Чего молчишь? Я для кого стараюсь?! С этим словами Стивен подбежал к корчащемуся Бобу и стал пинать его ногами.

– Ну что? Ну что?! – брызгал слюной Стивен – видишь, видишь?!

Гелла впиалась в него взглядом, от человека в этом нечто мало что осталось. Хотя оболочка его и оставалась из крови и плоти, его эфирная проекция стала серой, затем темно-фиолетовой с бегающими красными огоньками ненависти. Они подпитывали его, делали сильнее. Утверждали его в точке времени–пространства. Давали ясно понять, кто бог, кто управляет всем на свете!

Одновременно с этим Гелла с отвращением узнавала себя, свой азарт, присущий как ей, так и любому другому существу, неважно, в какой ситуации. Главное – победить, завоевать, стать обладателям чьего–то мира: своего, чужого, неважно.

Парализованная девочка наблюдала за дрожащей от восторга рукой Стивена, которая схватила Боба за волосы и подняла его окровавленное лицо.

– Видел?! – заорал подобно дикому зверю Стивен. Жертва

хищника вздрогнула, как от тока, и послушно закивала.

– Во! – довольно захохотал Стивен, – я как сам Бог! Могу пускать людей к небесам! И вот так просто, ну-ка давай ещё разок... С этими словами кулак вновь впился в живот Боба.

– А теперь?! – скажи, кто твой Бог! Скажи мне!! – хохотал Стив.

– Ты, ты!.. – выдавливая из себя улыбку, кричал Боб.

Гелла стояла и чувствовала, как тело её становится свинцовым, кулаки её сжимаются, а ногти начинают разрывать кожу, впиваясь в мясо. Ей был противен Стивен, но ещё более неприятен Боб, который позволял размазывать себя по асфальту, хотя он был примерно одного со Стивеном телосложения. Девочка не могла взять в толк, откуда у неё все эти мысли и чувства и что она должна сделать с ними? Почему все это происходит сейчас и именно с ней? Она как будто стала ими обоими, жертвой, хищником, трансформировавшись в ситуацию наблюдателя процесса. И никак не могла определиться с ролью. Её то бросало в дрожь, от опасности и ужаса парализуя её волю и тело, то она вспыхивала, готовая с яростью разорвать любого в клочья, то с интересом наблюдала за сценой, ожидая, кто же победит. Гелла была близка к последнему, ведь она до сих пор не сделала ничего. Вот это и есть богиня, настоящая богиня – подумала без злобы девочка про себя. Она всё видит и за всем наблюдает, и ей нет нужды вмешиваться, ведь она знает, что всё что бы ни происходило, это она сама и всегда будет ей, зачем же отдавать пред-

почтения чему-то или кому-то? Теперь вот жертва, так стоит ли изображать из себя жертву и думать, что ты по-настоящему ей являешься? Может и стоит – Геллу затрясло. И вообще кому нужен порядок, высшее существо, которое так мерзко развлекается? Стив был мальчишкой крупнее неё, и, хотя они и были знакомы довольно давно, хищник мог напасть на неё, истерзать, возможно, даже изнасиловать и убить. Но! Гелла почувствовала, как по телу её побежали лопающиеся огоньки энергии. Это же убийство потенции! Быть жертвой – значит зарывать творческий потенциал! Не могу, я просто не могу быть жертвой, точно так же, как и ублюдским зрителем этого безумия! Я просто лопну, если буду сдерживаться! Эта мысль решила всё, и импульс, выпускаемый из тысячи миров, сошёлся единственной возможностью, которая и была всем миром, неизбежностью существования. Она выстрелила Гелле в мозг и та, схватив гигантский булыжник, быстрым шагом направилась к месту казни.

Стив отвлёкся от унижения «противника» и обернулся к подруге, – О! Вот это да! Девчонка, а боевая! Видишь, свинья – тебя даже девка побить хочет, – он снова впился в Бобби, – после такого позора, я думаю, самоубийство будет для тебя... – Стивен не успел закончить, почувствовав толчок в спину.

– А?.. – удивлённо обернулся хищник, не успев среагировать на камень, прилетевший ему в лицо.

– АУ! АУ! – зашмыгал Стивен, упав на зад, – приоткрыв

один глаз, он отвёл ладошку ото рта и в кровавой жиже рассмотрел выбитые зубы.

Затем он бросил взгляд вверх и увидел Геллу, сжимающую камень.

– Ты, блядь! – захлюпал он со слезами на глазах, – ты что, твою... Гелла, не теряя ни секунды, прыгнула на него сверху, заставив весь воздух выйти из его легких.

– Гха!! – взорвался кровавым фонтаном Стивен.

– Ты не бог, – стальным голосом проговорила Гелла. Ты человек, и я напому тебе, что это значит. Она подняла камень и быстрым движением рассекла ему бровь.

Тело Стивена тряслось от страха, что ещё больше будоражило Геллу, которая чувствовала весь экстаз ситуации, переходящий в сексуальное возбуждение. Но не от хлюпающего мелкого падальщика, а от энергии, что спускалась от её сжатых кулаков к сердцу и шла к низу живота. Гелла тоже была хищником, но гораздо более высокого порядка, ей нужно было питаться сильными противниками, для того чтобы прочувствовать себя живой. Насилие было её частью жизни и глупо было это отрицать. Однако нужно держать его под контролем, чтобы не разрушить мир в жадных попытках подчинить его со всеми обитателями. И вектор, который приобрела ненависть Геллы, как ничто лучше служил громоотводом той творческой энергии, что плескалась в юной девушке. Она раз за разом молниеносно опускала камень на ревающего Стива, желая раз и навсегда впечатать в его память, что

жертва и охотник всегда будут единым целым. Это, кстати, касалось и её самой, поскольку удар по затылку сбил её со Стива.

Каково же было её удивление, когда она увидела над собой никого иного как Боба, который спас своего мучителя.

– Что же ты делаешь... – выдохнула Гелла, когда жирный и потный ягненок лягнул её в живот.

– Не трогай СТИВА! – с истерикой заголосил Боб. – Стив, Стив! – ты как, ты как?!

Стивен, скорчившись, не отвечал, хотя его «друг» и пытался его растормошить.

– Вот значит как, – подумала Гелла, – вот как все устроено. Люди боятся свободы. Они боятся перестать быть угнетаемыми. Все. Все люди одинаковы. Рабы. Жертвы, которые боятся сами стать хищниками, зная, что их так сожрут ещё быстрее. И что? И что, теперь жить в страхе?! Мир вокруг распадался на фрактальные куски, порождающие друг друга под вибрации диссонирующей личности мира и воспоминания всех существ в нем живущих.

– Я не дам вам жить в страхе! – проревела Гелла. – Не дам! Я спасу, я ... Я...

В следующее мгновение она отхаркнула кровь на грязный пол подъезда.

– Да, точно. Не зря я вспомнила про это... История повторяется. Она всегда повторяется... И что мне делать? Я что, правда, умру? И что я буду делать? Хватит смотреть на это,

больная сука, дай мне лучше сил на последний бой, чтобы я...

13. – Пережить! – закончил за неё Арчибальд, радостно выплясывая под потолком храма.

– Оу, так быстро! Я поняла, кто я!

– И как тебе? Интересное кино получается?

– Да не то слово! Воспоминания – это довольно экстремальное местечко.

– А то! – расхохотался алхимик, – итак! – он присел на свое же скрюченное на колесе изображение, – что ты будешь делать?

– Для начала, – Гелла подумала немного, – сменим декорации.

– Как пожелаешь, – улыбнулся друг и соскользнул с изваяния, которое тут же рассыпалось в прах вместе со всем собором, перенеся скорбящую внизу толпу на открытую лесную опушку, где под сияющими тысячами огней звёздами происходила мистерия шаманов, приуроченная к погребению...

– Меня! – Так вот, – улыбнулась Гелла, – только не погребение, а рассеивание!

– Поджог, – щелкнул пальцами Арчибальд, – тело испарится, как будто его никогда и не было!

– А как же они? – Гелла указала Арчи на ребёнка, мужа, любовника, мать, друзей и подруг. Она же будет жить в их воспоминаниях?

– О, боже! – упал на колени Арчибальд и расхохотался.

Гелла, не теряя ни секунды, залилась смехом вместе с ним.

– О чем ты говоришь? Перед тобой сейчас откроются такие горизонты фрактальных реальностей, порождающих друг друга, что просто держись! А ты думаешь о голографическом мире, который уже постепенно исчезает.

– Мне же интересно посмотреть, что будет дальше! – не подумав, прыснула Гелла.

– Оп-па! – сменив интонацию голоса, проговорил Арчибальд, – а ну-ка! Повтори!

– Я говорю, мне интересно, что будет дальше!

– Хех. Ах-ах-а! – вибрирующим басом захохотал Арчибальд, после чего его лицо разделилось на три уродливые морды с чёрными как смоль глазами и длинными носами, – но ты ведь знаешь, что ждет тебя, если ты решишь и дальше продолжить игру? Возможно, ты никогда не выйдешь из неё! А никогда – это довольно долго! Тебе придется отыграть этот спектакль всеми ролями! Да не по разу!

Гелла посмотрела на застывшие прозрачные образы людей, её окружавших, – а как же любовь к приятию?

– Что? – изумился трикстер-арчи, – повтори-ка!

– Какой ты непонятливый! – я говорю, любовь! Я старалась понять всю жизнь, что это такое, и испытать её! Не лишай меня такой возможности.

– А? я!? Лишаю?! – ну это наглость! – рассмеявшись, на-

чал заикаться Арчи, – я просто предупреждаю... Самого себя же, что бесконечная игра – это, конечно, увлекательно, но чересчур опасно для ума.

– Тогда я превращусь в волю!

– Волю?

– Не делай такие невинные глаза! Ты прекрасно знаешь, о чем я.

– Да, тебя не проведёшь! Недаром журналюга, – Арчи хмыкнул, – да ты можешь стать тем, что ты оставила в мире, и стать ведомой волеизлиянием людей, попавших под влияние твоей энергии, которая, уж поверь, сохранится до окончания времен. Но! Хочу предупредить, так ты только скрепишь цепь ненависти, глупости и отражения себя самой, которую ты так хотела разорвать всю свою жизнь! И этот сон будет повторяться раз за разом, пока ты сама не захочешь очнуться. И поверь, это не очередная уловка. Обмануть твоё сердце я не могу, поскольку оно и моё тоже. Вот же, закрой глаза и прислушайся к нему.

14. Грудная клетка готова была разорваться. Несмотря на то, что Гелла тысячу раз прокручивала в голове этот момент, она до сих пор не могла успокоить себя. Как можно волноваться из-за подобной встречи? Станный вопрос. Точно так же можно спросить, как можно НЕ волноваться...

– Так, Гел! А ну-ка возьми себя в руки! – Зажмурившись, девушка попыталась образовать внутри себя вакуум, чтобы страх и волнение, которые бушевали внутри, не смогли най-

ти ничегошеньки, за что можно было бы хоть как-то уцепиться. Эффект оказался совершенно противоположным, лишив себя визуального контакта с действительностью, душа Геллы изнутри обросла тысячами коготков, которые ловили клочки страха и с пристрастием разрабатывали их, превращая внутреннее пространство не в стерильную комнату, а в затхлый подвал с разлагающимися телами. Не выдержав этого напряжения, Гелла распахнула глаза и уставилась в окно. Этот район имперской столицы был ей знаком, и она знала, что автомобиль, в котором она находилась, стремительно приближался к главному порту города. Её взгляд цеплялся за каждое здание, каждого человека, который, подобно тени, проскакивал мимо несущегося стального зверя. Ей хотелось стать каждым из них, с любой судьбой, с любыми недугами и проблемами, лишь бы не быть собой здесь и сейчас.

– Боже, – думала она, – едва заметно ухмыльнувшись, – ну почему я такая трусиха?

В следующую же секунду она звонко залепила себе пощечину. Имперец, сидевший рядом с ней, бросил на неё ничего не выражающий взгляд и опять упёрся в только ему видимое пространство перед собой.

Удар привел девушку в чувство, однако её сердце снова быстро забилось, когда машина начала тормозить. Когда движение полностью прекратилось, другой агент Империи, сидевший с другого края, вышел из машины и предупредительно открыл дверь Гелле.

Замок щёлкнул, и девушка почувствовала себя вновь свободной. Выпорхнув из машины, она благодарила всех божеств во вселенной, что ей удалось ещё раз вдохнуть полной грудью запах океана, прежде чем, вполне возможно, расстаться с жизнью.

– Прошу за нами, – подал голос один из джентльменов в белых пиджаках, которые, подобно призракам, вынырнули из темноты ночи.

Гелла кивнула и перешла под их попечительство. Лица этих людей показались ей ещё более бесчеловечными, чем у имперцев, её сопровождавших. А что ещё можно было ожидать от личной охраны Императора? На секунду ей захотелось спросить их, а не роботы ли они или злобные пришельцы, переодетые в людей, однако решила сдержаться и припасти свой запал для другого, ещё более страшного и ещё менее похожего на человека субъекта.

Гелла оглянулась и увидела, как к ним подъехали, остановившись чуть поодаль, ещё три чёрных автомобиля.

– Надо же! – удивилась про себя девушка, – сколько внимания к моей персоне, – как оказалось, что, помимо трех, которые ехали перед ними, были ещё три, ехавшие позади.

Отведя взгляд от оставшихся позади имперцев, она прошагала несколько десятков метров с охраной, прежде чем увидела ещё один броневик.

– К чему такие меры? – не выдержав и не сдержав раздражения, спросила Гелла.

Один из охраны бросил на неё взгляд – точно такой же, как и одна из его копий в машине пару минут назад, и ограничился фразой – такие правила.

Сев в машину, двери которой тут же закрылись на замок, Гелла направилась дальше в самое сердце тьмы, как ей это виделось. Этот термин, к тому же, как нельзя более точно описывал то, что происходило как в самой Империи, так и за её пределами.

В очередной раз покинув живот стального чудовища, девушка встала, не поверив своим глазам – она-то думала, что они отправятся из порта по воде, что было бы вполне логично. Однако, машина, миновав зоны, доступные для публики и пассажиров, завернула в один из ангаров, в котором стояли несколько десятков вертолётов.

Прежде чем Гелла успела осмыслить происходящее, она смотрела на мир уже из иллюминатора парящего аппарата. Огни мегаполиса, как и сверкающий порт с отплывающими от него лайнерами, остались позади внизу. И журналистку, наблюдающую в очередной раз за становившимся крошечным клочком земли, на котором она жила, вновь охватило странное чувство освобождающего безразличия. Девушка ощущала, как рвётся её связь с планетой, когда за горизонтом скрылись огни, и осталась лишь темнота бушующей внизу стихии.

– Неужели вся жизнь подобна этому океану? – думалось ей, – неужели всё настолько же бессмысленно и хаотично? И

все те обстоятельства, в которых мы оказываемся... Как все это может быть правдой? Скорее, это похоже на какой-то мираж, иллюзию. Прямо как... Мозг пытливо вытаскивал одну ассоциацию за другой – декорации к сказке... Да, сказке из далёкого детства про далёкую жаркую страну. Что же с ней стало сейчас? И что стало за прошедшее время и с моей страной? Вместо бабочек, которых седлали герои сказки, теперь остались лишь стальные драконы, изничтожающие своим пламенем все, на что упадет их безумный пустой взгляд. И эти существа теперь правят миром? Может они и сами есть этот мир, который позволяет им быть во главе? Неужели...

Раздалось какое-то шуршание по радиии, и голос, пробившийся через эфирное шифрование, уже вступил в диалог с пилотами. После чего Гелла поняла, что скоро начнётся.

– Да, это будет величайшим интервью в истории! И я очень надеюсь, что когда-нибудь кто-нибудь сможет его прочитать. И тогда все изменится! Да, все обязательно изменится!

15. – И всё действительно изменилось, – продолжил свою речь Арчибальд.

Гелла оторвалась от иллюминатора, и мираж воспоминаний информационного поля, окружавший её, рассеялся, вновь распавшись и сформировавшись в створы титанического храма.

– Он тоже смог это сделать, – поглаживая лицо золотого

бога, облизнулся собеседник.

Гелла наблюдала, как убитый на колесе много тысяч лет назад человек беззвучно выражал скорбь всем своим видом. Сидящий на нем субъект теперь обретал большую определенность и, как следствие, плотность. Одет он был во фрак, который напоминал дымчатую субстанцию, прореженную скачущими по нему герметичными узорами, которые, меняя цвета, становились то зелеными, то фиолетовыми. Периодически они закруглялись и превращались в красивейшие орнаменты. На голове человека был надет головной убор вождей страны скорби, как её сейчас негласно называли. Он представлял собой массив, состоящий из умело переплетённых и подобранных по длине и цвету перьев экзотических птиц. Венчала же этот поистине величавый элемент одежды сушёная морда утконоса, которая, однако, периодически наливалась энергией и выглядела совсем как живая.

Лицо же того странного человека, называвшего себя Арчибальдом, постоянном менялось, и Гелла никак не могла понять, кого же она видит в нем.

– Арчи был таким милым, – проводя своими пальцами по голове золотого идола, улыбнулся тысячами губ незнакомец, – и он тоже изменил этот мир. Только вот задачка. К добру ли, к худу? Вопрос явно не простой. – В этот же момент узоры на его одежде превратились в спирали, которые начали заворачиваться сами в себя и перетекать друг в друга на фоне дымчатого смокинга.

– Ты знал его? – спокойно спросила Гелла, – ты знал бога?

– Незнакомец застыл, и тысячи его лиц выразили недоумение, чтобы затем одно за другим, наслаиваясь друг на друга, разразиться истерическим хохотом.

– Знал ли? Бога? – О да, конечно! – усмехнулся он. И ты его знаешь. Ведь его нет в твоём восприятии, а значит, то, что ты его знаешь, равноценно тому, что и не знаешь! Вот и получается, что как ни крути – я знаю и не знаю его!

– Это игра слов, ты не ответил на мой вопрос – абсолютно беспристрастно продолжила свое последнее интервью журналистка.

– О, – ты всё ещё сохраняешь привычки, оставшиеся после выхода из игры? А зачем они тебе тут-то? Тут правил игры уже нет. Зачем обременять себя лишними надстройками?

– Откуда я знаю? – все так же холодно спросила Гелла, – откуда я знаю, что это не очередное шоу с моим участием?

– Хм, а ведь тут ты права. Я ведь тоже не знаю... – улыбнулся Арчибальд – пока ты не знаешь...

– ТЫ говоришь, что тебя зовут Арчибальд, – это имя ты взял у бога, или он у тебя?

– А какая в сущности разница? Но если ты так хочешь знать, то у нас с ним одно имя и лицо на двоих. – С этими словами он коснулся лица статуи, и, расплавив её, нырнул в бурлящую массу.

– ААААА! – заорал незнакомец, – Горячо! Горячо! – упав с изваяния на мраморный пол начал корчиться в агонии Ар-

чибальд, – снимите её с меня! Снимите! Моё лицо, моё лицо! – катаясь по полу с расплавленным золотом по всему телу, корчился от боли тезка бога.

– Шутка, – быстро встав и улыбнувшись от уха до уха, констатировал Арчи, стряхнув с себя подобно пыли рассыпавшиеся в прах бурлящие потоки. Теперь тысячи его лиц вибрировали под затвердевшей маской, которая выражала гримасу боли, смешанную с крайней формой выражения смеха и радости.

– Видишь?! – улыбнулся он, – у нас с ним одно лицо на двоих. А раз может лицо – то может быть и имя!

– Это мало что проясняет, – хмыкнула Гелла.

– О, поверь, объясняет! Ведь такие случайные совпадения могут быть и совсем неслучайны! Например, Стиви.

Гелла замерла, услышав это имя.

– Стиви, – медленно повторил Арчи, растягивая каждую букву. Девушка же продолжала стоять как вкопанная, никак не выражая своей реакции на это слово.

В следующий момент Арчи исчез и через долю секунду возник прямо над Геллой, плюя в неё именем, – СТИВЕН, СТИВЕН, СТИВЕН! ХАРТ!!!

16. – Стивен! Стивен! Стивен! ХАРТ!!! – скандировала публика.

По огромным мониторам, установленным на главной площади у Императорского дворца, и по всем визорам Империи

нёсся сигнал, показывающий многотысячную толпу, ждущую выхода своего покровителя.

– Что ждёшь от его речи?

– А?

– Как думаешь, что на этот раз будет говорить этот выскочка?

Гелла задумалась над вопросом Брайана, глядя в бинокль на сцену, которую охранял вооружённый до зубов отряд имперской гвардии. В толпе же без сомнений также рыскали переодетые солдаты и члены нулевого отряда, который теперь в народе именовали не иначе как отряд Сердца.

– Ну, он же теперь наш глава, – улыбнулась Гелла, – хотя, знаешь, Брай, что-что, а на управленца Империи он никак не похож.

– Говоришь так уверенно, будто знаешь его довольно давно, – усмехнулся Брайан.

– Возможно, даже слишком.

– Что? – округлил от неожиданности глаза Брайан.

– Шучу, думаешь, если бы я была знакома лично с ним, то нам пришлось бы сейчас торчать здесь?

– Да, вполне возможно. Вдруг ты тоже член отряда, который прикидывается журналистом, чтобы узнать нашу среду изнутри и понять, как можно заработать политические очки через манипулирование нашими агентствами... Ау!

– Иногда, Брай, – вздохнула Гелла, ущипнув своего мужа за бок, – ты слишком углубляешься в конспирологию, вместо

того, чтобы увидеть очевидное.

– Видишь! У тебя уже и заготовки есть для неожиданных вопросов!

– И все прошлые года я тоже притворялась, живя с тобой...

– Я не знаю... Время покажет, – пожал плечами мужчина, схватив свою камеру.

– Ты офигел? – толкнула Брайана Гелла.

– Смотри! – начав фотографировать, приснул на неё муж. И в тот же самый момент Гелла дёрнулась, увидев в нескольких сотнях метрах на сцене человека, чью судьбу однажды Богиня переплела воедино с её.

– Стивен...

17. – Что? – пытаюсь казаться учтивым, спросил один из охранников.

– Нет, нет, ничего, – отмахнулась Гелла, глядя в иллюминатор на гигантский лайнер, который по мере приближения вертолёта все более начинал походить на настоящий авианосец или полноправного чудовища из древних мифов.

Стальная птица медленно снижалась, чтобы сесть на личный круизный лайнер Императора.

– Прошу, – улыбнулся гвардеец, приглашая на выход после ожидаемой посадки.

Гелла почувствовала, как тяжело ей будет сделать хотя бы один шаг, но ощущение унижения перед собой в данной си-

туации было сильнее, поэтому она не мешкая поднялась и проследовала в сопровождении охраны с площадки для приземлений вертолётов, по пути разглядывая длинные горящие полосы для взлета стоящих в ряд истребителей.

В метре от неё притормозил небольшой электромобиль, и Гелла, уже привыкнув к тому, что масштабы происходящего не подходят для её ножек, отправилась исследовать вместе с шофером вражескую территорию.

Подъехав к краю платформы, журналистка с изумлением обнаружила, что ниже располагались ещё несколько этажей, которые занимали площади ещё большие, чем взлетная площадка. Она успела увидеть в свете ночных огней бассейны, мини-автострады и даже несколько мини-парков с выращенной на них флорой.

– Интересно, а животные там тоже водятся? – успела подумать Гелла, прежде чем въехать в тоннель, который, как она поняла, должен был доставить её на нужный уровень.

На внутренней парковке ей предложили пройти местные служащие, которые, несмотря на их элегантные костюмы и приветливые улыбки, могли на поверку оказаться убийцами из отряда сердца.

Гелла шла вместе с ними, практически не фокусируясь на познаниях во флоре и фауне обитателей парков, сквозь которые они проходили, и которые демонстрировали ей сопровождающие служащие. В иной ситуации она бы потеряла всякий дар речи от такой экзотики и красоты, её окружаю-

щей, – гигантские переплетающиеся деревья, в которых периодически показывались зверушки, которых Гелла и не видела вживую ни разу. Очень органично они уживались с искусственно возведенными и вписанными в местные джунгли столбами, которые подсвечивали джунгли изнутри тысячами неярких, но очень выразительных огоньков.

Тем не менее, особенности этих мест занимали её сейчас меньше всего. Она хотела, хотя и до смерти боялась того, что может произойти дальше. Её подставят, да, наверняка. Это было так очевидно. Так предсказуемо. Но она все равно сжимала в руках маленькую сумочку, в которой, помимо записной книжки и ноутбука, лежал предмет, который, несмотря на свой маленький размер, оттягивал плечо журналистки все сильнее и сильнее.

18. Подобно увеличившейся в несколько раз силе гравитации, Гелла ощутила сильное давление сначала в своем плече, которое затем распространилось по всему организму. Выйдя на улицу вслед за капитаном, она, миновав стальные штыри, воткнутые в землю, неподвижно встала посреди темноты.

Свет! – рявкнул капитан, отчего Гелла вздрогнула, как от удара, не ожидая такого агрессивного всплеска от полненького служивого. Не прошло и пяти секунд после этого звериного выкрика, как журналистку ослепил синеватый цвет, который обжег её глаза.

– Не бойтесь, – раздался насмешливый голос капитана, ко-

торый уже схватил девушку под руку, и та, ещё не в состоянии передвигаться не вслепую, самостоятельно проследовала за ним.

– Вот мы и пришли, – через десяток шагов вновь подал голос капитан, – можете открыть глаза.

Гелла, все ещё боясь яркого света, приоткрыла один глаз и чуть не вскрикнула, ощутив, как её сердце подпрыгнуло к самому горлу.

Те сюрреалистические видения, которые она наблюдала ранее, оказались правдивыми. На неё смотрела голова человека, торчащая из земли.

– Вот и они! – усмехнулся капитан, подойдя к голове, – да, лиловый? Эй, я с тобой разговариваю!

Гелла в ужасе наблюдала за головой одного из жителей острова Солнечного змея. Она была испещрена кровавыми коростами, из полуоткрытого рта торчали несколько уцелевших зубов, длинные дреды на голове туземца были растрёпаны, а некоторые вырваны с корнем. Заплывшее от ссадин и синяков лицо выражало даже не боль, но полное отсутствие воли и какой бы то ни было жизни.

В этот самый момент удар сапогом по лицу «лилового» слегка оживил мёртвую голову, которая издала стон и начала качаться из стороны в сторону.

– Во-во! – расхохотался команданте, доставая из-за пазухи флягу, которую тут же не преминул пригубить.

– Ах, хорош! – заметно покраснев после вливания содер-

жимого, развеселился капитан, – вы пробовали?

– А? – Гелла чувствовала, что теперь напоминает дерево, потому что не могла пошевелиться. Хотела бы я быть такой же жёсткой, как какой-нибудь дуб сейчас, – промелькнуло у неё в голове.

– Ну, так пробовали? – повторил свой вопрос начинающий пьянеть человек.

– Что? Что пробовала?! – пискнула Гелла.

– Уа-ха-ха! – загоготал капитан, – сразу видно, что на фронте первый день! Это ром, причем первоклассный! Недавно начали выпускать. Очень кстати название в тему – «Сердечный», действительно, и сердце, и душу даже греет! Хотите?

– Нет, спасибо, я ведь на работе...

Солдат расхохотался ещё пуще прежнего. – Ну, как знаете. Хотя, честно вам признаюсь, – без добротного рома в этом гадюшнике сложновато. О! Кстати, – команданте присел на корточки рядом с головой, – будешь?!

Голова не отвечала, лишь покачивалась из стороны в сторону.

– Я тебя спрашиваю, будешь?! – голова лишь продолжала покачиваться.

Капитан сплюнул на землю, схватил «лилового» за дреды, запрокинув его голову. Та безвольно поддалась и тут же получила удар по уцелевшим зубам фляжкой, которую капитан чуть ли не полностью запихнул в рот.

– Пей! – заорал команданте, – я кому говорю, мразь! Я столько на тебя сил трачу. Такое первоклассное тебе пойло предлагаю, а ты?! Это твоя мне благодарность?! Отвечай!!

Из рта головы полились струи рома, смешанные с пеной, а сама она начала спазматически дёргаться. Глаза, несмотря на то, что были заплывшими, расширились, и из них полились слёзы вместе со слизью и ромом, который выстрелил из ноздрей.

– Нет, ну ты видишь, что творится? – посмотрел на Геллу солдат, – эта сука добро переводит! Он резво вырвал флягу из рта головы, которая принялась отчаянно всасывать воздух, попутно сморкаясь ромом.

Команданте поднялся и уже потянулся к кобуре, но Гелла подпрыгнув к нему, схватила его за запястье, – в этот момент солдат взглянул на неё. И Гелла с ужасом обнаружила, что на неё смотрит не человек, но тупое рыло, даже не животного, а какой-то совершенно иной категории жизни, которое явно не представляло, чем являлась само и что происходит вокруг. Глаза капитана стали ещё больше, даже чем у несчастной головы, которая до сих пор фыркала, пытаясь восстановить дыхание.

Гелла подумала про себя: – всё, подруга, пока-пока, застрелит меня сейчас этот жирдяй, и даже тело моё не найдут, и...

– Сэр! Сэр! – разорвал тянувшееся вечность мгновение молодой голос солдата, который подбежал к ним.

– Разрешите обратиться!

– Чего тебе? – убрав руку от кобуры, уставился на солдата команданте.

– Боевая тревога! Обнаружен враг у северного поселения!

Команданте выругался и побежал, иногда спотыкаясь, за солдатом.

Гелла пару мгновений стояла как вкопанная, но затем, отстранившись от самой себя, глубоко вдохнула и побежала следом, превратившись из запуганной неизвестным девушки в смелого журналиста, который готов был начать расследование одного из самых важных дел в истории своей планеты.

19. – И ты правда так думаешь? – улыбнулся Арчи.

Гелла вновь припрыгнула во времени и оказалась перед незнакомцем.

– О чём?

– Ну, ты ведь так думала? «Самое важное дело на планете». Ты и до сих пор так считаешь?

– Не знаю.

– Нет, нет! Меня такой ответ совершенно не устраивает! Ты всё знаешь! Только тебе стоит признать, что ценность твоих поступков равнозначна их отсутствию. Точно так же твоё расследование ни к чему не привело, ты могла и не начинать его вовсе. И не оправдываться тем, что оно такое «важное».

– Время покажет.

– Время? – Арчибальд расхохотался, – время-то да, оно покажет и расскажет. Только вот сейчас мы в таком месте, что времени нет, потому что оно едино, будущее и прошлое прямо здесь, прямо сейчас. И что тут будешь делать? Каков результат всего?

– Мне нужно ещё посмотреть внимательнее.

– Ну, послушай! Кино под названием жизнь уже кончилось! Стоит уже выйти на свежий воздух из кинозала и сделать выводы! Какой смысл оставаться на следующий сеанс? Да ещё и смотреть Его не целиком?! Думаешь, можешь склеить картинку лучше режиссера? Мне кажется, это вульгарное и бесполезное занятие.

– Пожалуйста, позволь мне...

– Ой, только не начинай! Ты сама тут всё решаешь. А я уж подожду.

– Спасибо!

– Да не за что, моя дорогая!

20. – Нет, я серьёзно, спасибо, пап!

Гелла подпрыгнула и прижалась к своему дорогому родителю.

– Не за что, я же обещал!

Гелла всё ещё сжимала в руках калейдоскопический прибор, подаренный отцом. Она тут же навела его на кухонный стол, который тут же распался на части, каждая из которых создавала такую же картинку, но поменьше. Повернув коль-

цо на тубусе, в который она смотрела на мир, Гелла вздохнула от восторга, когда увидела, как части, из которых состоял стол, стали раскладываться на природные элементы, а те, в свою очередь, на атомы. Затем, пощелкав ещё переключателями на калейдоскопе, Гелла расщепила атомы, превратив их в стройные ряды геометрических линий квантов, образовавшие удивительные рисунки, которые напоминали маленькой исследовательнице соты заброшенных осами ульев, иногда ей замечаемые на чердаке дома.

– Значит это, – Гелла крутанула тубус и, настроив нужный спектр, соединила эти соты, начавшие наслаиваться друг на друга, образуя сложные энергетические сети, которые, разрастаясь, создали живого человека, не отличимого от отца, стоявшего рядышком с расщепленным столом.

– Ну как? – улыбнулся довольный папа.

– Сейчас! Сейчас! – сделаю снимок! Девочка нажала на одну из кнопок и подпрыгнула к отцу.

– Ух ты! – улыбнулся он, увидев, как на фотографии виртуальной голограммы, которая высветилась из тубуса, четко прорисовывалось два взрослых человека, которые стояли рядом друг с другом.

– А ты быстро схватываешь!

– То есть я могу создать ещё одного папу?! – рассмеялась Гелла, – и тогда ты меня будешь любить в два раза сильнее!

– О, поверь, – он опустил на одно колено, – так, как я люблю свою принцессу, никогда никто не может любить

сильнее! Даже два меня!

– Правда?

– Ещё какая, – с этими словами он нагнулся к своей дочке и поцеловал её в лоб.

– Фрэнк! – окликнула его жена, – подождал бы лучше до утра! И подарил бы тогда, теперь она всю ночь не заснёт с твоей игрушкой!

– Я бы и так не заснула, – высунув язык, зажмурилась Гелла.

– Ладно, ладно, сдаюсь, – устало бросила Неган, – и тоже чмокнула её, только в щечку.

– Тебе понравилось?

Вместо ответа Гелла расплылась в улыбке от уха до уха.

– Всё понятно, – зевнула Неган, – значит, начинаем веселиться?

– Да! – радостно подпрыгнула её дочка!

– Я пойду, накрою стол! – выбежав из комнаты, бросил Фрэнк.

– Эх, твой папа такой непоседа! Но за это я его и люблю.

– Только за это? – хитро прищурилась дочка.

– Эй! Не делай такой взгляд! Рано тебе ещё знать такое! – покраснела мама.

– Да ладно, я даже ничего такого не имела в виду.

– Ну-ка иди сюда, проказница! – защекотала Неган свою дочку, – я так тебя люблю! С днём рождения!

21. – У тебя день рождения? – без всяких эмоций спросил Зокк.

– Да, – ответила Гелла, осознав, что личные вопросы не стоило допускать в разговоре, но бог с ним. Что сделано, то сделано.

– Глупо, – уставившись в потолок, выдохнул туземец.

– Что глупо?

– Думать, что у тебя день рождения. Человек рождается в своей жизни три раза. А в вашей стране день рождения отмечается каждый год. Вот в этом вся глупость и заключается.

– Вот как? – делая пометки в своем блокноте, решила уточнить Гелла, – а что это за три рождения? Не подсказешь?

– Первое происходит, когда по твоему телу начинают раздаваться биения сердца твоей матери. Но по сути ты ещё не имеешь права называться родившемся сыном или дочерью Золотого утконоса.

– То есть человеком? – уточнила Гелла.

– Если тебе так будет понятнее, то да, – мрачно заметил Зокк, – второе же рождение наступает, когда ты понимаешь, кто ты есть на самом деле, и осознаешь свою роль в мире ребёнка Утконоса. А третье происходит, когда умирает твое тело. У большинства людей, как ты хочешь, чтобы я это называл, второе и третье рождения совпадают. Однако это неблагоприятный исход. Можно сказать, от этого все беды.

– Беды... – Гелла автоматически повторила за собеседни-

ком, — хочешь сказать, что беды вашего острова тоже из-за этого?

— Безусловно. Из-за людей, которые слишком долго не могут родиться по-настоящему.

— Понятно. Достаточно интересная точка зрения. Однако многие твои соратники уверены, что это Империя виновата во всех бедах этих земель.

— Я знаю, что ты хочешь услышать, женщина. То же, что и все. Что некая сила внутри нашего острова спровоцировала конфликт, пытаясь, как вы любите говорить, дестабилизировать обстановку в Империи. Но для золотого Змея нет таких величин, как Империя или островная республика. Все эти границы иллюзорны. И существуют лишь в умах людей и нарисованных картах. Дети любят, играя в песочнице, делить территорию и представлять, что это разные земли, однако, если посмотреть по факту, — песочница остаётся единым пространством для любых занятий этих ребят.

— Я поняла, к чему ты клонишь. Но всё это не так просто. Земли поделены на сферы влияния, и приходится считаться с мнением глав стран и...

— Даже если они глупые дети?

— Ты так считаешь?

— Да. Эти люди вверху не родились ещё даже, как и многие на нашей земле. От этого все беды. И я не собираюсь защищать или оправдывать их понятиями Империи, республики и так далее.

– То есть? – подвела Гелла к главному вопросу Зокка, – ты всё-таки считаешь это веским оправданием для убийств? Для массовых убийств?

– Идёт война, – сухо ответил Зокк. И не наша вина, что она пришлась на наш век.

– Это очень удобная позиция. И, тем не менее, ты признаешь, что убийство – это допустимое деяние? На вас объявлена охота. И даже ваш вождь Стальной Орёл объявил сопротивление шаманов вне закона. И...

– Этот птенец не достоин своего имени! – рявкнул Зокк.

В этот же момент в камеру ворвались двое солдат и стали дубасить заключённого дубинками.

– Стойте! Стойте! Всё в порядке! – пыталась успокоить их Гелла, – но люди в форме не слышали, а точнее, не обращали на неё внимания. После того как им самим показалось достаточным, они с довольным видом покинули камеру.

– Видишь, – обратилась Гелла к Зокку, – не стоит усугублять своё положение.

– Этот птенец не достоин своего имени, – бесстрастно и ровно, несмотря на побои, продолжил Зокк. Если бы его отец, Свободный Ветер, был ещё жив, он бы судил этого недоумка и тот не избежал бы изгнания.

– Многие не согласны, – настаивала Гелла, – Орла считают героем вашей провинции и многие считают его спасителем вашей земли.

Зокк лишь усмехнулся, – таковым его считают идиоты,

вроде него самого, или кто готов продать себя, свою свободу и свой народ.

– Тем не менее, с его приходом к власти народ стал жить лучше, началось развитие инфраструктуры, города стали расти. Уровень жизни поднялся и...

– Это всё пустое. Многие мои братья и сестры теперь трудятся в этих так называемых мегаполисах, я видел это своими глазами. У нас появились новые технологии, мы можем одеваться в кафтаны из внешнего мира и есть не свою родную еду. А взамен мы отдаём своё достоинство вместе с данным нам от самого первого вдоха права на свободную волю. Более того, традиции наших предков начинают умирать. Никто не хочет становиться лекарями – шаманами. Все хотят посытнее есть, покомфортнее устроиться в городах. Церемония призыва утконоса никому не нужна и...

– Подожди секундочку, пожалуйста! Эта церемония призыва... Я уже слышала про неё раньше.

Зокк лишь промолчал в ответ.

– Я хочу узнать про неё побольше!

Зокк посмотрел на неё взглядом, в котором смешивалось недоумение и презрение, – зачем тебе это?

– Понимаешь, – Гелла стала говорить тише, – я уже один раз была на церемонии и...

– Ты лжёшь, – невозмутимо констатировал Зокк, – человека, который видел великого Утконоса, можно узнать сразу по одному лишь взгляду, и это явно не ты.

– Ладно, скажу по-другому, я пробовала священный напиток Сиацоатль.

На лице Зокка отразилось ещё большее недоумение.

– И я чувствую, что прикоснулась к чему-то важному. По-настоящему важному. Понимаешь? Можно сказать, сама судьба свела меня и эту войну! Чтобы я, преодолев все препятствия, в конце концов испробовала ещё раз этот напиток, и тогда...

– Что тогда? – оборвал её Зокк, – считаешь, это и есть цель твоего путешествия в эту землю и твоё второе рождение? Тогда ты ещё глупее своих правителей.

– Почему это? – обиделась Гелла.

– Наш напиток уже давно распространился по миру и приобрёл в химических лабораториях самые невероятные и причудливые формы. Однако изменений в мире не происходит. Хотя употребление священного отвара по твоему разумению и ведет ко второму рождению...

– То есть второе рождение по вашей вере достигается во время ритуала?

– Нет, церемония как таковая не дает рождения. Она служит лишь толчком для действий, по которым можно будет судить, родился ли человек во второй раз или нет. Поэтому многие в мире, прикоснувшись к священному, остаются такими же и не рождаются до самой смерти.

– Поэтому – это почему?

– Ты и сама знаешь по себе. Ты ставишь это своей целью. Как и твои правители. Цель – испытать напиток, цель – получить власть, цель, цель – убить, цель, цель! ЦЕЛЬ! Это безумие. Это ограничение. Всё, что происходит, – лишь инструменты, которые служат для пробуждения ото сна к своему настоящему рождению. Но все забывают об этом и не вспоминают до смерти. Поэтому жизнь на планете становится безумием, где все разделено на цели, которые нужно достичь, во что бы то ни стало. При этом сама жизнь теряется в этих искусственно созданных фантомах.

– Ты снова играешь словами, это ничего не значит, – парировала Гелла.

– Да? Тогда посмотри, что происходит вокруг, в то время когда твой и мой народ слагает головы своих детей в борьбе с несуществующей угрозой, Орёл богатеет с каждым днем, получая всё больше власти. И в этой бойне, где у каждого мирного жителя, у каждого военного, у каждого генерала и правителя – своя цель, ради которой они готовы продать кого угодно и убить кого угодно. Это я играю словами? Это они играют жизнями, не понимая, что затеяли очень опасную партию, в первую очередь, для самих себя.

– Но разве ты не такой же? Или хочешь сказать, что достиг второго рождения и можешь судить людей, лишая их жизни?

– Я никого не сужу, я защищаю свою семью и свою священную землю от оккупации Империи. И сказать, что я достиг второго рождения, за меня могут только мои поступки,

а значит, сам мир, который смотрит за всем, что происходит.

В коридоре послышались шаги, и Зокк улыбнулся – за мной идут. Моя казнь состоится сейчас. Ты ищешь святой сияцоатль, я помогу тебе его найти. На восточном побережье в селении Пурпурного рассвета живет старик-шаман, он один из немногих уцелевших, кто знает рецепт изготовления истинного напитка и, что самое важное, знает, как его правильно использовать. Это мой прощальный подарок тебе. А как ты им распорядишься, известно лишь мудрому Змею.

В камеру вошли несколько военных в масках и подняли за локти Зокка, чьё тело от постоянного голода в плену практически превратилось в скелет, и поволокли на выход. Через полчаса на внешней площади Гелла с другими военными смотрела, как Зокку и дюжине других «шаманов» надевают на головы мешки и отводят к стенке. Напротив них стояло несколько стрелков, которые взвели автоматы.

Прежде чем Гелла успела зажать уши руками, раздались оглушительные хлопки очередей, превращающие тела узников в мясные мешки, напигованные казённым свинцом.

22. Геллу трясло, дрожащие трупы, ещё секунду назад бывшие людьми, не успевшими вскрикнуть от боли, сформировали колоссальный заряд энергии, который перенёс её через несколько десятков месяцев к той точке, где её тело, все ещё вибрируя от скачка в пространстве, стояло на пороге древней покосившейся хижины. Дорогу к ней подсказали

после некоторых уговоров местные жители, жившие в ту пору у Пурпурной Зари. Во время блуждания меж деревьев по едва различимой тропинке, журналистка размышляла о том, что местные жители решили так отомстить ей как представителю Империи, но, похоже, все обошлось благополучно, и она всё время шла верной дорогой. Хотя, опять же, что понимать под этим многозначным словом? Или всё же...

– Что я тут делаю? Как вообще из триллионов вариантов путей, что лежали передо мной, я оказалась в эпицентре самого опасного вооружённого конфликта тысячелетия, и как даже внутри этой кровавой территории я сумела выискать самое жуткое место из возможных?!

Гелла набрала побольше воздуха в лёгкие, готовясь постучать в ветхие двери хижины, как вдруг буквально оцепенела, ощутив спиной чьё-то присутствие. Может, это засада? И её поймают шаманы и тогда... Тогда... Перед глазами уже стояли индейцы-наемники, вооружённые до зубов, готовые её ...

– Никого нет дома, – разрезал на части её сердце стальной голос.

Гелла чуть вскрикнула, столкнувшись с двумя пылающими огоньками, которые просвечивали её насквозь. Эти пылающие точки оказались глазами старца, который пристально смотрел на неё. Его лицо было испещрено тысячами морщин, и на нём красовались несколько шрамов, однако, несмотря на пожилой вид, оно внушало страх и выражало

такую силу, что трудно было поверить, что этот человек, наверное, разменял уже семь или восемь десятков лет.

– П... Простите? – учтиво поклонилась Гелла.

Старик никак не отреагировал на её приветствие.

Не подскажете, когда вернётся хозяин этой хижины?

– Нет, не знаю, – бросил старик и, отвернувшись, поспешил скрыться в зарослях, из которых, по-видимому, вылез.

Гелла стояла, как онемевшая, с десятков секунд, а затем как будто сработал невидимый магнит, и она бросилась за прищельцем.

– Подождите! – прокричала журналистка ему вслед, но тот даже не отозвался.

Гелла вбежала в чащу и заметила вдалеке между деревьями какое-то движение. Решив, что это тот старик, она бросилась с криками в этом направлении.

– Погодите! Пожалуйста! Вы!.. – задохнулась Гелла, поняв, что на самом деле скрывалось за деревьями. Сначала девушка подумала, что это медведь, однако мохнатая шкура зверя отливала фиолетовым оттенком в пробивающихся лучах солнца, и, казалось, разрастается, становясь все больше. В этом месиве из мышц и шерсти начали оформляться шипы, которые, по-видимому, служили для защиты этого удивительного и страшного существа. Когда это «нечто» начало движение, Гелла осознала, что нужно хотя бы попытаться спрятаться за деревом, но стояла на одном месте, замороженная зрелищем. Из тела зверя выросли длинные перья,

напоминавшие яркие крылья гигантской птицы, и из центра этого открывшегося, подобно бутону, цветка крыльев появилась голова существа. А точнее, головы – десятки морд утконосов, мигая своими сотнями глаз, уставились на девушку.

– Может, это была хорошая идея – не двигаться? – подумала Гелла, – ведь так оно подумает, что я дерево, и...

Зверь поднялся на задние лапы, утопив лес в своем рыке, и бросился в сторону Геллы. Девушки уже и след простыл, она, спотыкаясь, бежала, подобно чемпиону-атлету, со сверхзвуковой скоростью прочь от зверя. Это был даже не страх, настолько было очевидно, что её разорвут на кусочки, а попытка превзойти материю и обогнать свою смерть. Это было необходимо найти ответ на извечный вопрос, который вдребезги разбился о невидимую стену в нескольких сантиметрах от хмурого лица старца, вместе с Геллой, которая повалилась на спину при столкновении с барьером что защитил старого шамана.

– Это невероятно, – Гелла лежала, распахнув глаза и распластавшись по земле, ощущая сырость травы и присутствие мельчайших насекомых, слушая песню ветра и разглядывая далёкую звезду через листья наклонившихся над ней деревьев. Казалось, мир вокруг разговаривает с девушкой, весь лес был единым существом, которое окутало Геллу своим вниманием.

Старик склонился над Девушкой и выпучил свои глаза.

Гелла посмотрела на него сначала в недоумении, а затем

рассмеялась. Она хохотала, громко сотрясаясь всем своим телом, а незнакомец лишь стоял над ней, довольно улыбаясь. Где-то глубоко внутри Гелла понимала, что мир сейчас сжался в комок войны, и даже дышать на этой земле теперь небезопасно, однако остановиться смеяться она всё равно не могла. И даже если бы сейчас этот лес сгорел в напалме, и кости её бы лизали языки пламени, она даже в смерти продолжала бы смеяться, настолько сильным был выход энергии, который долгое время не мог родиться на свет.

Старик медленно развернулся и потопал обратно к хижине. Гелла, все ещё сотрясаясь от спазмов смеха, поднялась на ноги и последовала за ним.

Туземец, подойдя к хижине, легонько толкнул дверь рукой и та отворилась. Гелла стояла у входа, улыбаясь, и, даже не обижаясь на старца, проследовала за ним вглубь жилища.

– Быстро вы решили вернуться, – заметила она.

– Я собрал всё, что мне нужно, теперь я смогу приготовить Сиацоатль. Ты ведь за этим пришла сюда?

– Да, а откуда вы знаете?

– Ты так похожа на своего отца, – начав копаться в старом котелке, бросил через плечо старый шаман, – так что это не мудрено.

Гелла сначала не отобразила смысл им сказанного, а затем рассмеялась ещё громче.

– Знаете, – обратилась девушка, утирая слёзы, – всё это так наигранно выглядит. Будто бы сюжет какой-то второ-

сортной книги, где все события расписаны заранее в голове автора, и ему остается лишь...

– А то, что происходит, и есть книга – невозмутимо заметил старец. А вот какого сорта она будет – уже зависит от твоей точки зрения.

– И всё же, – продолжила Гелла, – таких совпадений не бывает! И даже больше! В детстве мой отец много мне рассказывал о чудесах народа золотого Утконоса и его шаманах, но меня это особенно никогда не интересовало. А затем в моей жизни кое-что произошло... И этот интерес, это событие вывело меня прямоком к вам, то есть шаману!

– Я не шаман, – буркнул старик.

– Не суть! Я просто хочу сказать, что нечто действительно важное зависит от точки зрения и ситуации, которая сможет раскрыть потенциал, сокрытый в том или ином мгновении! И тут ваша фраза про точку зрения как нельзя более кстати!

– Я не понял, про что ты говоришь, – пожал плечами старик, по-доброму хихикнув.

– Я это всё к тому, что вы и есть тот легендарный учитель моего отца, про которого он писал в своей книге! Вы же и есть?..

– Хоп, да. Собственной персоной. Если ты про того невероятного глупого писаку, у которого тем не менее было необъятное сердце.

23. – Харт! Харт! Харт! – скандировала толпа.

Он уже так популярен, – заметила Гелла.

– Не то слово, – улыбнулся Брайан, – у тех, кому он заплатил.

– То есть? – удивилась Гелла.

– Ну, заплатил, – устало вздохнул Брайан, – думаешь, все эти люди пришли бы сюда в его поддержку просто так? Тем более с той программой развития Империи, которую он предлагает.

Брайан снова приткнулся к камере и сделал очередной снимок.

– Ты посмотри, как вырядился! – Весь в белом! Как будто он не только Император, но ещё и генералиссимусом стал, это так жалко выглядит. Хотя сопротивление шаманов всё равно продолжается и по сей день.

– Да? – удивилась Гелла, – но ведь по новостям сообщали, что ситуация в землях Змея...

– Слушай! Ты профессионал или обыватель? Ты должна критически подходить к подобным новостям и фильтровать их. А ещё лучше, сама должна делать новости. Поняла?

– Вот не умничай тут! – ткнув в бок своего мужа, надулась Гелла.

– Ау! – картинно бросил Брайан – такой мне снимок испортила!

– Сам виноват.

– Ясно с тобой все. О! Кажется, наш главарь сейчас речь толкнёт, а ну-ка...

В то же самое время на противоположном конце площади на гигантском голографическом экране загорелось пламя. В этом огне две змеи, сцепившись в смертельном танце, в конце концов, сплелись воедино, образовав тугой узел, похожий на спираль ДНК, из своих тел, и, грозно зашипев, раскинули шесть крыльев в разные стороны, вырвавшиеся из их чешуи.

Из пространства на поверхности экрана собрался щит ромбовидной формы, на котором проявилось сердце.

– Говори уже – хватит этого символизма! – делая очередную серию снимков, пробормотал Брайан.

Словно бы в ответ на недовольство Брайана в сердце появился разрез, из которого на толпу взирал гигантский глаз с застывшей в пространстве кровавой слезой.

– Да вы издеваетесь! – закатил глаза Брай.

– Уважа... – начал Император, подходя к громкоговорящему, – и тут толпу чуть не оглушил свист из динамиков.

– Вот кому-то прилетит, – захохотал Брайан.

В этот момент один из охранников подошел к стойке и, взяв микрофон в руки, очень по-бычьему промычал – ууу раз, ууу раз...

Брайан с Геллой уже валялись на полу – да что с ними?! И вот эти клоуны и есть будущее нашей великой Империи?! Ах-ах!

– Уважаемые жители столицы, патриоты Империи и мои сердечные подданные, – продолжил прерванную речь Император, – в этот трудный период для нашего государства тя-

жёлую ношу Императора возложили на мои плечи. Не буду лукавить, для меня это такой же сюрприз, как и для вас всех. Я осознаю ответственность перед вами, перед Империей, но, в первую очередь, перед самим собой.

– Боже, – Брайан продолжал фотографировать, – а перед домашним ленивцем ты чувствуешь ответственность, мне вот интересно, а?

– Как вы все знаете, последние месяцы обернулись трагедией для всех нас. Они унесли жизни моих подданных, и оттого моё сердце разрывается.

– Так, вот это уже интереснее, ближе к делу, Харт.

– Моё сердце разрывается от мысли, что подобные чудовищные деяния могут повториться. Шаманы из земли Золотого утконоса, используя свою магию, превратили в пепел тысячи людских судеб, и не только их, но и всех тех, кто знал этих людей.

– Вот так уже теплее, – Брайан фотографировал, полностью сосредоточившись на фигуре главы Империи. Гелла наблюдала в приближающий визор произносящего речь владыку и периодически поглядывала на мужа. И поведение того и другого ей не нравилось. Объяснить же причину такого дискомфорта, несмотря на шутки секунду назад, она не могла. Пока не могла.

– И чтобы злобное зелёное пламя этих колдунов больше не сжигало сердца нашей дорогой Империи, – Харт сделал паузу, – я объявляю о присвоении статуса агрессора ша-

манским формированиям и даю полномочия военачальникам главного штаба на развёртывание спецоперации по нейтрализации группировок шаманов, что находятся на территории острова наших союзников!

– Вот оно! – глаза Брайана горели, – ты смотри, какое событие мы застали! Да это же сенсация! Мы выжмем из этой ситуации все по максимуму! – Брайан ликовал. Толпа взорвалась криком праведного гнева и поддержки Императора.

Гелла же почувствовала, как её трясёт. Трясет от этой толпы, от этого Харта и, что самое ужасное, – от присутствия Брайана.

– А теперь, – к правителю немедленно отмаршировал имперский гвардеец с мягким подносом, на котором красовался бокал красного рома.

Стивен взял бокал и поднял его над обезумевшей толпой.

– Пусть все, кто творит злодеяния в Империи и вне её, понесут справедливую кару! И наша страна, наши дети обретут сердечный покой! Тооост! – закричал Харт, отпуская бокал.

– Тооост! – проскандировала толпа.

Тост, – тихо прошептала невидимая для всех фигура, сидевшая на вершине голографического монитора, покачивая перьями, которые росли из её головы и переливались многомерными узорами на смокинге.

В следующее мгновение стакан из хрупкого стекла коснулся земли, разлетевшись тысячами осколков различных судеб, расплескавших триллионы капель кровавого рома.

24. – Вон, капитан, смотрите! – отчеканил солдат.

– Что такое? – взглянув в визор, рывкнул пьяненький команданте.

– ООо! – загорланил он, ты смотри, что творят!

Гелла, отдышавшись после пробежки, встала на пригорке рядом с капитаном и его подручными.

– Что случилось? Атака? – обеспокоенно поинтересовалась она.

– Ага! Да ещё какая! – загоготал капитан, протягивая Гелле увеличительный прибор.

– Пушки! – скомандовал капитан, и в мгновение ока танк, стоящий рядом, ожил, грозно завибрировав.

– На цель! – бронетехника направила пушку в направлении равнины, разделяющей виднеющиеся огни поселения туземцев и передвижной штаб Империи. В этот же самый момент Гелла нашла взглядом того самого неприятеля, который был готов уничтожить всю базу.

– Ребёнок! – закричала Гелла, – там ребёнок!

– Именно! – захихикал капитан, – Шаман! Да ещё и сам бежит сюда! Нормальные лиловозады уже давно позабывались в свои халупы! Это просто иллюзия, трюк шаманов, чтобы убить нашу бдительность! Цеесель! – покачиваясь, проорал Капитан.

– Нет! Вы что, с ума сошли! Там... – бросившись к капитану, крикнула Гелла и тут же получила удар кулаком по ли-

цу.

– Ты, сука! Ты за этих мразей что ли? – забрызгал её слюной капитан. Этот говнюк сейчас добежит сюда, и тебя вместе с этой всей базой не будет! Ты слышала про огонь шаманов?! Эти ряженные петухи используют свое грёбаное колдовство, смешивая травы, а потом этой горючей смесью сжигают нас заживо, как это было в столице! Вот увидишь, как он сейчас вспыхнет!

– Пли! – махнув рукой и повалившись сам на землю, не выдержав натиска сильнейшего рома, скомандовал капитан. Геллу оглушил выстрел, и время на секунду замерло. В этой вспышке её зрение, а возможно все чувства обострились, и она увидела его, этого плачущего, бегущего к ней мальчика так, как будто бы он стоял совсем рядом, буквально на расстоянии вытянутой руки. Потом он исчез, растворившись в потоке почвы, которая вырвалась из-под земли вместе с разлетевшимся на куски снарядам и разорвала его на куски.

– О! – силясь подняться, проговорил команданте, – он же, чёрт, дай мне визор! Быстро!

Подчиненный рангом ниже помог подняться командующему и вручил ему увеличитель.

Тот начал всматриваться в равнину с недовольным видом.

– Похоже, у него не было при себе ничего, – сплюнул имперец на землю.

Гелла всё ещё продолжала дрожать, зажав рот руками и выпучив глаза от ужаса. Не в состоянии принять, что только

что произошло.

– Но зато! – расхохотался команданте, – наверняка, в этой грёбаной деревне есть шаманы! – Пошли, шлюшка. Я покажу тебе род этих недолудей! И кто они есть на самом деле!

25. – Майкл?

– Сэр!

– Да не вставай ты! Сиди! Привыкнуть уже надо бы к своему новому рангу.

– Да, сэр!

– Всё, не сэркай! Лучше скажи, как продвигается разработка передвижений шаманов в столице?

– При всем моём уважении, господин...

– Давай просто Кранк. Не первый день ведь работаем. Ну, так что?

– При внедрении в ряды неприятеля было выявлено, что все они спонсируются подпольным брокером, известным как Арчибальд. Личность данного брокера пока не установлена, однако, дальнейшее проведение мероприятий по поимке...

– Так, так, стоп! Здорово! Молодец, Майки, хорошая работа! Можешь немного отдохнуть от него.

– То есть, как... отдохнуть?

– Ну, вот так, у тебя теперь будет задание поважнее, побезопаснее, да и поприбыльнее, – Кранк подмигнул своему подчиненному, протягивая конверт.

Майкл ловко вскрыл печать и вытряхнул бумаги вместе с фотографиями. Кранк же в это время решил никуда не уходить, оставшись наблюдать за реакцией Майкла.

– Сэр, это, гм, простите. Но... Как это дело относится к моей работе?

– Ну, ты ведь сыщик, правильно?

– Я уполномоченный по...

– Майки, Майки, притормози! Что там написано, ты понял?

– Судя по беглому ознакомлению, необходимо провести комплекс мероприятий по сбору данных и выявлению преступных связей некой Геллы Фландерс, урожденной...

– Нет, нет, – замахал руками Кранк, дело вовсе не в выявлении. Мы за неё уже всё выявили.

– То есть как?

– А вот так. Птица она пока невысокого полёта. И поэтому, чтобы её никто не увидел, а также в перспективе не заметил её взлета... Ты должен, ну, ты понимаешь, – Кранк многозначительно почесал нос.

– Нет, сэр что-то не очень, – холодно отозвался Майкл.

– Ну, как же, надо, чтобы эта пташка так и не появилась на небосводе.

– В нашей Империи вторжение в частные дела людей и их бизнес, если он легализован, является преступлением.

– Да нет же, не стоит ей мешать. Надо, чтобы её не было, ясно тебе? – Кранк встал и направился к двери, – не строй

из себя дурачка, ты прекрасно понял, что именно я имею в виду. И это приказ сверху, так что без глупостей, работа должна быть выполнена чисто.

26. – Йо! Кого я вижу! – Геллу приветствовал один из гостей «государства на воде» Императора. – Вы же журналист! Гелла, верно?

Девушка посмотрела на обнажённого по пояс музыканта – на загорелом подкаченном теле яркими неоновыми красками горели татуировки. – Я Зак! Варс Зак!

– А... ага, – выдавила из себя Гелла.

– А, ну, под этим именем меня мало кто знает! Вы меня наверняка слышали под псевдонимом WZ!

– Да. Что-то такое слышала.

– Не хочу хвастаться, но в этом году музыкальная премия Империи досталась именно мне! Я бы никогда не подумал, что такая прогрессивная музыка, как у нас, выйдет на государственный уровень, да ещё и к тому... Хотя что я кокетничаю? Я много работал для этого, именно этого! И теперь я звезда! Знаете, на этом корабле все звёзды! И вы в том числе! Это честь, иначе бы вы просто не попали сюда! НУ, – он взял руку Геллы и поцеловал её, – приятно было познакомиться! Ещё увидимся! Ночка предстоит долгой!

– Да, – подумала Гелла, – это точно.

WZ забрался на горку у бассейна, окружённую пальмами, и сиганул вниз «бомбочкой», вызвав взрыв одобрения гостей

крейсера.

Гелла чувствовала себя не в своей тарелке. Она ожидала увидеть вооружённых до зубов военных советников, решающих судьбы народов, а вместо этого попала в самый настоящий рай, где обнажённые люди вкушали яства, пили дорогие напитки, наслаждались плодами искусственно выведенной экосистемы на шикарном лайнере-острове, безмятежно дрейфующем по мировому океану. Гелла подумала, что зная она только об этом месте и населении его, прилетев с другой планеты, она бы точно решила, что этот райский голубой шарик является межзвёздным туристическим центром. Однако воспоминания с материка перечёркивали все иллюзии, ровно, как и то, какой ценой этот остров стал раем, обернувшись адом для существ, которые даже не подозревали о его существовании.

Гелла шла дальше вдоль роскошной улицы, по краям которой стояли пальмы, к веранде из белого камня в форме сердца, где журналистку уже ждал один очень важный человек.

– Гелла почувствовала, как начинает все быстрее биться её сердце, и из-за этого каждый новый шаг давался ей всё труднее. Апогеем этого стал подъем вверх по ступенькам, над которыми возвышалась веранда.

Поднявшись, журналистка встретила лицом к лицу с человеком из прошлой жизни, который, тем не менее, яростно ворвался в её сегодняшний день.

О! – учтиво обратился неприметный человечек, допивая стакан с чаем, – он встал и протянул руку журналистке, сдержанно улыбнувшись. – Добро пожаловать! Меня зовут Стивен Харт.

– Гелла, – кратко ответила на его рукопожатие девушка.

– Прощу! – Харт сделал жест рукой, и Гелла покорно села за отодвинутый охранником стул.

Император обошёл небольшой круглый столик и сел напротив неё.

– Может быть, сумочку поставим рядом?

– А, нет, нет, – замотала головой Гелла, – у меня там... важные бумаги. При всем моём уважении, Император. Мне так комфортнее.

– О, давайте без формальностей, – наливая чай себе и Гелле, проговорил Харт, – просто Стивен, зовите меня так.

Гелла напряглась, но почувствовала, что ещё не время, чтобы идти в атаку, – как пожелаешь, Стивен.

– Вот, другое дело! Тем более, мы одного возраста. К чему нам подобная формальность?

– Согласна, – холодно ответила Гелла, – она опустила взгляд на стол. На нём стояли всевозможные фрукты. В центре гордо возвышался фиолетовый ананас, от него спиралью шли бананы, перемеживаясь с тарелками горячего мяса, которое благоухало и приглашало испробовать его на вкус. Вместе с ними на мисках стояли горы икры, которую Гелла в жизни не видела даже на прилавках магазинов. За ними

шли поразительные пирожные и сладости всех мастей. Гелла не успела опомниться, как перед ней возник фужер, который наполнял благоухающий нектар.

– Император, закончив пить чай, так же поднял бокал и протянул её Гелле. Увидев, что девушка даже не притрагивается к фужеру, Харт «решил её успокоить». – Заверяю вас. Оно не отравлено, – улыбнулся правитель.

– Я готов «чокнуться» с вами по-настоящему. Вы ведь знаете об этой исторической традиции? Вино из наших утончённых кубков перемешается, что будет означать наше полное доверие друг к другу, разве не так?

Гелла помедлила немного и поняла, что стоит поиграть в его игру. Тут, как в шахматах, нужно обдумать все наперёд, но главное – всегда быть на шаг впереди противника. Гелла подняла бокал и почувствовала нехорошую вибрацию в руке, как только их бокалы соприкоснулись.

– Что–то не так. Я играю совершенно чуждую мне роль в этом спектакле. Когда же мне сделать свой ход? Гелла, думай, думай, что ему нужно от тебя?

– За вашу красоту, – сдержанно улыбнулся правитель, после чего и он, и девушка осушили бокалы.

– Это не очень-то похоже на патриотичный ром в армейских частях, – удивилась Гелла мягкости вкуса в сочетании с высоким градусом напитка.

– Конечно, нет, – покачал головой Император, – это...

– Из внешних земель?

– Именно так. Вы очень проницательны.

– Почему же вы не разделяете страсть ваших подданных?

Стивен усмехнулся: «Я не большой любитель выпивки, к тому же, насколько я знаю, алкогольная продукция в частях запрещена».

– Ваши солдаты думают по-другому.

– Вот как? Что ж, возьму на заметку, обещаю разобраться с этим недоразумением.

– Возможно, – осмелела Гелла, – Вы сможете так же упразднить и кое-какие иные аспекты, ускользнувшие от внимания.

27. Бронетранспортёр провонял перегаром капитана, Гелла, чувствуя, что её сейчас стошнит, держалась из-за всех сил, чтобы не дать повода свинье в форме для насилия.

– Ты откуда сама-то? – будто бы среагировав на её мысли, спросил человек в форме.

– Из столицы.

– Да? И что вы?! – надорвался команданте – Вы, столичные, понимаете в войне?! Какого чёрта ты вообще сюда приехала?

– Именно для того, чтобы понять, – утирая кровь из носа, огрызнулась Гелла, – я и поехала сюда! Хотя какого чёрта! Что ты себе позволяешь?! Я в этом гадюшнике оставаться не собираюсь! Вы – военные, вот вы и служите!

Команданте в сердцах рассмеялся. – Верно, граждан-

ским, особенно бабам, нечего делать на войне, сиди дома, рожай детей. И не лезь под руку, ясно тебе?

Гелла уставилась в пол, понимая, что, несмотря на страх к этому военному и тому, что у него револьвер, она готова заехать ему по морде, скажи он ещё хоть одно слово.

– Какого чёрта, Брайан?! – думала она, – ты вообще знаешь, куда отправила меня твоя «хорошая знакомая»?! Эта тупая корова наверняка целыми днями сидит в своем офисе и даже понятия не имеет, чем занимаются её сотрудники в полях!

Транспортёр начал притормаживать около одной из хижин поселения.

Солдаты, вывалив наружу, окружили дом. Последним показались команданте с Геллой.

Подтянувшись, он пошел к двери и стал молотить в него рукой. Через полминуты дверь осторожно открылась, и Гелла увидела стоящего на пороге старика, который, сжав губы, открыл им дверь.

– Ты, – капитан сплюнул под ноги, – знаешь, что карантин у вашей деревни? И никому нельзя её покидать?

Старик стоял молча, глядя на него.

Командир замахнулся и отвесил пощечину, – глухой что ли? Я спросил, – знаешь ли, что карантин?!

Старик в итоге кивнул, чем ещё сильнее разозлил военного, – Я спросил, знаешь ли, что карантин или нет?! Не тряс своей пустой башкой, а скажи – да или нет! – после че-

го старик получил удар ногой в живот и отлетел вглубь своей хижины. Проследовав за ним, Гелла и командир увидели трёх молодых девушек и мальчика, которые, видимо, были детьми этого старца.

Капитан достал револьвер, и ткнул им в сторону ребят. Парень инстинктивно закрыл собой своих сестёр.

Старик, скрипя зубами, с акцентом выдавил из себя: да.

– Вот это другой разговор! А теперь самое важное – что это за зверёныш, который побегал к нашей базе? Лучше бы тебе знать ответ, старик.

Гелла стояла и наблюдала за всем, как будто это был какой-то сюрреалистичный фильм, но никак не настоящая жизнь.

– Это сын Майи, которая тяжело больна, – покашливая, сказал старик, – молодых мужчин и шаманов забрали ваши солдаты. Поэтому некому помочь Майи вылечить её недуг. Её сын пришёл к нам за медицинской помощью.

Капитан стоял в молчании какое-то время. Гелла подумала, что может в нем проснулось что-то человеческое, и он понял, что натворил. Но вместо этого тот бросился на старика и стал пинать его. – Ублюдок старый! Думаешь, я поверю тебе?! Наверняка вы планировали диверсию на нашей базе! Где, где эта сука, мать его?! Где она?! Клянусь, старый идиот, если ты будешь молчать, я пушу пули в твоих выродков! Ну, говори же! Ну!

Старик скрипел зубами, изо рта его текла кровь, из глаз

– слёзы. В итоге, испугавшись за свою собственную семью, отец указал на дом женщины.

– Так-то лучше, пнув напоследок старика, надменно произнес команданте, – идем, – кивнул он Гелле. Та послушно последовала за ним. Миновав пару построек, командир, разбежавшись, вынес дверь маленькой хижинки и завалился вовнутрь.

Как он может?.. – думала Гелла, – тут же могут быть вооружённые шаманы, а он так беспечно...

Зайдя внутрь, журналистка сразу почувствовала спёртый запах этого места, у неё мгновенно закружилась голова. Она ощущала, что тут явно что-то не так. Командир прошел из прихожей в главное помещёние, и Гелла, проследовав за ним, увидела лежащую под одеялом женщину. Она слегка ворочалась. На лбу её лежала мокрая тряпка, сама она была укутана одеялами с разноцветными узорами.

– Господи, – вскрикнула Гелла – у неё лихорадка! Мальчик действительно бежал за помощью!

– Сейчас узнаем, – холодно сказал военный и, схватившись за одеяла, скинул их. Женщина даже не шелохнулась, только затряслась ещё больше, даже не в силах открыть глаза или пошевелиться.

– Симулянтка! – заорал команданте, прыгнув на неё сверху, – женщина издала стон, задыхаясь под весом капитана.

– Ты что творишь?! – не выдержала Гелла и готова была

уже кинуться на преступника, но тот наставил на неё револьвер – к стене, сука!

Гелла встала как вкопанная, увидев дуло, направленное прямо на неё. Даже клокотавшая внутри ненависть не смогла остановить ужас, что сковал её, и она послушно ушла к стенке.

Если хоть мускулом двинешь, – пригрозил зверь, – то домой в цинке поедешь, поняла?!

Гелла кивнула.

И даже не думай о том, чтобы выйти, я хочу, чтобы ты уяснила, кто эти животные! С этими словами команданте сорвал с лежащей под ней девушки одежду, та была даже не в состоянии сопротивляться. Гелла же превратилась в живую статую, осознавая, что происходит, и не могла сопоставить все это с реальностью.

– Это, – капитан ткнул туземку стволом в обнажённую грудь, – животные, даже нет, вещи, которые поджигают наши дома, – он самодовольно улынулся. – Поэтому мы должны показать, что делать этого не нужно. Команданте приподнялся, спустил с себя штаны и разорвал ножом, который взял в другую руку, нижнюю часть туалета женщины. Затем, не спуская глаз с Геллы, стал массировать свой член, который спустя полминуты напрягся, а затем со всей силы вогнал его в лежащую под ним женщину. Та вскрикнула, но по-прежнему не могла ничего сделать.

– Вот что бывает с теми, кто считает, что может тявкать на

империю, – выпучив глаза, сплюнул военный и стал насилловать туземку. Гелла, сидя в этом пространстве, чувствовала, что насилию подвергается и она сама. Она могла практически физически ощутить агрессию, которая сейчас проникала в девушку в виде фаллоса пьяного солдата. Через пару минут, которые превратились в свинцовую вечность, капитан, хрюкнув, кончил и медленно поднялся.

– Надеюсь, ты все уяснила, – тяжело дыша, обратился он к Гелле. Та не в силах была совладать со страхом и даже не могла поднять лицо, чтобы взглянуть на него.

– Видимо, не уяснила, – с этими словами он вскинул револьвер и выстрелил пять раз.

Гелла вскрикнула и оцепенела ещё больше, увидев, как две пули не попали в цель, а три обезобразили лицо женщины и вспороли живот.

– Так нагляднее, – улыбнулся команданте, – ты не должна испытывать жалость к этому отребью. Хотя я всё же вижу, что ты ещё не до конца поняла, что я покажу тебе нечто, после чего ты потеряешь всякое уважение к этому стаду!

28. – Да бросьте! – улыбнулся Харт, сделав ещё один глоток, – этого просто не может быть.

– Может, я видела это собственными глазами.

Император сделал задумчивое лицо: «То есть, вы хотите сказать, что гордость Империи, наши бойцы, идут на такую низость? Прошу меня извинить, но это пахнет гнусной

ложью и пропагандой врага!».

– Это истинная правда. И Враг тут не при чем. Внутри нашей Империи взрывает невиданное зло.

– Гелла, ты ещё молода. Я думаю, что раскидываться такими словами и называть подобным образом нашу доблестную армию злом – это чересчур.

– Я не говорю только про армию. Я убеждена, что зараза уже проникла на все уровни нашего дома.

– Безусловно, могут быть нарушения устава, – спокойно продолжил Стивен.

– НАРУШЕНИЕ УСТАВА?!

– Но, пойми, – солдаты выполняют непосильный труд, рискуют жизнью и всё ради всеобщей безопасности и блага!

– Они занимаются всем, чем угодно, – отрезала Гелла, – но только не этим.

29. – Шелестящий Лес, спасибо, что приняли меня в вашем доме.

Женщина лишь безмолвно просверлила девушку взглядом.

– Меня зовут Гелла, я журналист из Империи. Мне нужно задать вам парочку вопросов, вы не возражаете?

Женщина продолжала хранить молчание.

– Получаете ли вы заявленные запасы продовольствия от Империи в это тяжёлое время, когда ваша страна находится под оккупацией шаманов?

– Нам ничего не нужно от Империи, – будто бы высекая искры из стали, произнесла женщина.

– И все же. Вам выделяются дотации...

Женщина начала быстро шевелить губами и что-то говорить на родном языке. Журналистка почувствовала себя дурно и, не успев понять отчего, повалилась на землю.

– ХА! Вот, в этот раз ты снова посетила мир старого доброго Арчи! – запрыгав от радости, продекларировал незнакомец.

Гелла поняла, что снова вернулась в голографический храм, похоже на то, интересно, сколько ещё скачков предстоит сделать, прежде чем всё будет кончено.

– Кончено? – рассмеялся Арчи – что-что, а это будет только началом! Кончено, а?! Вот чего захотела! Слишком рано нам переворачивать шахматную доску!

– Ты опять непонятно изъясняешься.

– Как умею. И вообще запомни, что всё это время ты говоришь сама с собой.

– Ты лжешь.

– Нет, ты, да к тому же, Сама Себе! Избавься от этой дурной привычки, пожалуйста!

– Не раньше, чем ты.

– Опять всё сначала! НУ, да ладно. Так, какой эпизод ты хочешь осмотреть следующим?

– Думаю, ты уже решил за меня.

– Вовсе нет, мне самому интересно, какой паттерн своей

памяти ты обнажишь следующим. О! А вот и он!

30. – ХА! – выдохнула Гелла.

– Эй! Чего шумишь? – с напускной серьёзностью бросил через плечо шаман.

– Простите, простите! – заговорила девушка, оглядываясь по сторонам. Вокруг неё висели ковры с чудными геометрическими фигурами, которые придавали небольшой комнатке хижины вид роскошного зала, в котором бы поместились сотни гостей, – просто... у меня странное чувство дежавю.

– Дежа, – повторил за ней старик, – Вю?

– Это когда кажется, – объяснила Гелла, – что события, которые с тобой сейчас происходят, ты уже видела когда-то. Есть множество теорий, объясняющих это явление.

– Хм, интересно, – не отрываясь от своего занятия, про-бормотал старик, – а ты сама как думаешь, что это такое?

– О! Вам интересно?! Правда? – совсем по-детски обрадовавшись, вскрикнула девушка.

– Да, почему бы нет?

– Так. Так... Я думаю, что... Возможно это прозвучит и несколько безумно... Но мы проживали наши жизни и возможно уже не раз... И подобные точки, в которых сходится наша действительность, и наше прошлое–будущее, являются чем-то вроде подсказок.

– Подсказок? – удивился Хоп, – и кто же тебе подсказывает? И о чем?

– Я... Да, пожалуй, я сама... Возможно, это самоорганизованный процесс. Вроде стихийной аномалии. Или я просто предупреждаю себя из будущего, что мне следует сделать, или, наоборот, не следует....

– Интересно, интересно... И что же тебе сейчас не следует делать? Или же наоборот, следует?

– Мне кажется, всё, что мне нужно сделать, произойдет само собой.

– То есть как? – удивился шаман, – а как же твоё тело? Твой разум? Кто им управляет?

– Я, пожалуй...

– Тогда почему ты говоришь, как что-то управляет за тебя?

– Потому что есть много того, что я не знаю... Разных законов мироздания, процессов, мне неизвестных, они все складываются в ту реальность, в которой я нахожусь и...

– Чушь, – беспристрастным голосом прервал её шаман.

– Простите?

– Я сказал, что это чушь. И мусор. Разве ты можешь знать это наверняка?

– Нет, не могу, – после некоторых раздумий ответила Гелла.

– Значит, нет смысла верить в эту чушь. Смысл есть только в том, что можешь испытать на себе. А все остальное не имеет значения.

– Но как же?... Мир, по моему мнению, и состоит из того,

что мы представляем, и затем это может проявиться в реальности...

– Всё уже существует.

– Как это?

– Ты меня утомила, – спокойно произнес старик, – впрочем, твой отец был таким же.

Гелла разозлилась: «То, что вы знали моего отца, и он написал книгу с вашим участием, не даёт вам права оскорблять меня... или!...».

– И такая же вспыльчивая, – улыбнулся старик, держа в руках жестяной котёл.

Гелла тут же сообразила что даже не обращала внимания на то, чем он был занят, а лишь была сосредоточена на себе, даже не замечая всего того, что делал этот удивительный человек. И для кого.

– Простите меня, пожалуйста!

– ШШ! – прошипел старик, отчего у девушки пошли мурашки по коже, и встал дыбом каждый волосок на теле.

– Сиацоатль хочет поговорить с тобой, – закрыл глаза шаман.

Гелла хотела спросить о чём-то шамана, но не смогла даже открыть рот. Вместо этого она, будто бы под гипнозом, взяла не глядя стакан, стоявший в метре от неё, и протянула его старику на вытянутых руках. Тот же наклонил котёл, и из него полилась густая чёрная масса, отливая фиолетовым цветом.

Гелла смотрела на заполненный до краев стакан и не могла поверить. Вот он! Тот артефакт, к которому она стремилась столь долгие годы! Прямо перед ней! Сколько она думала об этом, воображала, что откроет для себя после того как испробует его! Но сейчас ей было страшно, она не могла пошевелиться. Чёрная масса смотрела на неё, а сама Гелла будто бы утопала в этом океане, что умещался в её руках.

– Пей, – басом приказал шаман, – и Гелла мгновенно поднесла напиток к губам, вдохнув едкий запах. Несмотря на колики в носу, она зажмурилась и принялась пить. Едкий терпкий вкус, ни на что ранее не походивший, связал её рот. Гелла готова была поклясться, что эта масса, подобно раскалённому металлу, прожигает её рот, горло, затем попадает в кишечник и начинает плавить его изнутри. Из глаз девушки полились слёзы. Она хотела прекратить церемонию, однако присутствие шамана не давало ей этого сделать. Ощущая себя, как на пытке, Гелла пила, моля, чтобы это испытание поскорее закончилось. Наконец, раскалённый «друг» шамана оказался в теле журналистки. Как только это произошло, пальцы разомкнулись сами собой, и пустой стакан упал, покотившись по соломенному полу.

Гелла сидела, чувствуя, как её желудок сворачивается в спираль. Она хотела избавиться от этого. Нет, это вовсе не похоже на живую воду из внешних земель. Это что-то совершенно, качественно иное!

Шаман смотрел на неё почерневшими глазами. Гелла бо-

ялась его, всё ещё не понимая причин своего беспокойства. Она опиралась на одну руку, не в состоянии лечь, и в то же время, ощущая невероятное давление, находясь в вертикальном положении.

Хоп закрыл глаза и приставил кулак к губам. Через несколько секунд хижину наполнили свистящие звуки, издаваемые шаманом. Они отскакивали от стен, превращая комнату, осязаемый объект, в дым, который начал проявляться и окутывать девушку и шамана. Гелла почувствовала, как чёрная масса в её желудке распространяется по венам, как она стреляет в мозг. Или это обычные процессы её организма? Но она ведь никогда так явственно их не ощущала! Это приводило в восторг и обескураживало одновременно. Свист шамана становился всё громче, и дым вокруг начал вибрировать. Сквозь него проступали рисунки на коврах, начавшие свой танец, формируясь в ещё более сложные фигуры, становившиеся то ярче, то тусклее. В этот момент шаман убрал кулак и протяжно запел: бия – джо-ва-дам – маго-да-жо-ваааа...

Пространство вокруг Геллы тут же рухнуло. Или это она сама взлетела. Факт был в том, что момент предельного напряжения прошел, и девушка ощутила невероятный духовный подъем. Окружающие её узоры стали светиться, отвечая своими вспышками в такт пению шамана и доносившемуся из-за стен пению птиц с шелестом деревьев. Всё вместе, это превращало окружающий девушку лес в живое существо, ко-

торое готово было вступить в контакт с пришельцем. Гелла уже различала вибрирующие стволы деревьев сквозь стены хижины и видела нити паутины, которая связывала их, перенося горящие огоньки информации от одного высокого создания к другому. Наблюдая за этой невидимой на первый взгляд коммуникацией, журналистка улыбнулась и медленно спустилась на пол. Гелла посмотрела на свою руку и увидела, как рисунок с ковров старца перекинулся и на её пальцы, на всю ладонь. Она наблюдала за этими божественными линиями и гадала, как это раньше не замечала их. После этого девушка перевернулась на бок и стала рисовать пальцем на полу эти рисунки, что танцевали под все набирающую силу песнь шамана.

– Паром – то-ю – дама!

Эффект был очень странным. Гелла тщательно выводила рисунки на полу, но в реальности они проявлялись по-другому. Она была не в состоянии повторить даже по кальке это великолепие геометрических форм, вместо этого под её воздействием проявился совершенно другой, однако от этого не менее потрясающий рисунок – гигантский лотос раскрылся под её рукой, а затем, превратившись в подобие прозрачных сот, трансформировался в золотую чешую исполинской змеи. Весь пол и весь лес превратился в узлы, из которых состояло тело гигантского змея. Гелла, ощутив, как что-то давит на неё сверху, подняла голову и встретила лицом к лицу с Богом. Это была гигантская, переливающаяся узо-

рами морда утконоса. А точно, две, три... семь голов, которые, оперившись длинными крыльями, своей пульсацией создающие мир вокруг, взирали на Геллу тысячами распахнувшихся глаз.

Девушка не проронила ни слова, но на другом уровне рассказывала существу всё о себе. О своем рождении, о жизни, обо всех, кого знала, видела, любила, ненавидела. Гигантский змей-утконос слушал внимательно, и девушку пробило током после осознания того, что это Он рассказывает ей о существе по имени Гелла! Так красочно, во всех подробностях! Но кто же... Кто же она тогда такая? Опустив голову и присмотревшись к чешуйке великого бога, вместе с тем увидев свое отражение в золотом зеркале, она мгновенно соскользнула внутрь, растворившись в вечности.

31. Пролетая в пространстве, состоящем из крошечного мрака, думалось, что вокруг всё такое тёмное именно из-за того, что вселенная залита нескончаемым и нестерпимым потоком света. И чтобы не ослепнуть в этом огне, который высветил бы одну единственную истину во вселенной, из которой исходили все другие, и был установлен этот фильтр, затемняющий все, что происходило внутри и снаружи. Тем не менее, каким бы хорошим и тёмным он ни был, Тьма рассеивалась, обнажая ослепительную геометрическую форму, которая обрела очертания ослепительной звезды. Этим солнцем оказалась правда обо всём, что происходило, происходит и ещё только произойдёт. Все вариативные вселен-

ные сошлись в этом рассвете, который озарил правду об одиночестве. Не в пошлом и обыденном понимании, но в высоком. В действительных мирах со своими условностями возникали ситуации, в которых то или другое проявления странства можно было характеризовать как вселенскую печаль и тотальное одиночество. Но тогда был выбор, всегда был, как смоделировать обстоятельства, как на них среагировать и что делать после. На этот раз выбора не было, открывшаяся подноготная смотрела сама на себя через это увеличительное стекло небесного светила, которое не грело кого-то или что-то, но пыталось разжечь огонь для самого себя. И какой смысл, какой смысл создавать иллюзию раздельности, чтобы, пройдя через множество приключений, избавиться от одиночества? Если в абсолютном смысле оно всегда присутствует. Ведь все окружение, любые объекты, события – лишь проявления единственной воли, которая не может быть разделена. И даже если её удастся разорвать на мелкие кусочки, форма не будет играть ровным счетом никакой существенной роли.

– Ты в этом уверена? – ухмыльнулся голос.

Звезда становилась всё дальше, переставая быть центром мироздания, и чем дальше она отдалялась, тем становилось очевиднее, что она не одна, а есть как минимум ещё один разум, смотрящий на неё. В конце концов, звезда превратилась в круглое витражное окно, переливающееся разными цветами, пропуская через себя свет другого, только что родивше-

гося небесного тела, которое постепенно отдалялось от планеты.

Гелла моргнула, и этот момент можно было посчитать её рождением.

– Я не знаю, – девушка закрыла рукой глаза, хотя и знала, что никто на неё не смотрит.

– Зачем же ты тогда закрываешься от мира? – повторил голос.

– Мне... грустно, – чувствуя, как по щекам бегут слёзы, проговорила она, – я не знаю, что с этим делать! Как вырвать это чувство из груди?! – с отчаянной злобой прокричала Гелла, отбросив от лица руку, и капли её слёз, летя в пространстве, разрастались, переплетаясь в причудливых орнаментах, создавая голографические стены храма, где она находилась, и через их прозрачные своды она могла видеть, как рождается город, страна, планета и жители, её населяющие. Один за другим они вырастали прямо перед её глазами, убегая за горизонт.

Гелла сместила угол своего восприятия на более близкий фон и, подняв голову вверх, увидела своего старого-нового знакомого, сидящего на радуге, что была через круглое окно.

– Знаешь, – вытирая слёзы и постаравшись улыбнуться, начала Гелла, – я никогда и не думала, что круг может значить солнце, которое светит не абстрактному наблюдателю, но само себе. Ему ведь так одиноко, я не могу избавиться от этой мысли.

– То есть тебе одиноко? – спросил незнакомец, покачивая ногой, и то прерывая, то вновь проливая свет на пол ещё формирующегося храма.

– Возможно... отвлеклась девушка. – Почему люди ставят так беззастенчиво этот символ во главу своей веры? Ведь если и должна быть надежда у человека, то заключаться она должна в том, что он не один! И вокруг него кипит жизнь! А не только в нём самом!

– Хех, – приснул незнакомец, спрыгнув с радуги, – для большинства – это символ не истины, но боли. В основе любой деятельности людей лежит садомазохизм. Не то чтобы это самоцель, но любой человек подсознательно потворствует насилию и лжи, чтобы можно было их преодолеть. И в процессе своей «праведной борьбы» забыться. И забыть, кто она или он есть на самом деле.

– И кто же? – зажмурившись, спросила Гелла.

– Ты знаешь.

– Но я не могу выразить словами!

– Но ты уже выразила слезами, а это, поверь, куда красноречивее любых слов.

– Разве это хорошо?

– Это не хорошо и не плохо, это чудесно! Слезы – это маленькое чудо, которое мы можем позволить себе. Иначе мы точно бы не были людьми!

– А я... Я человек?

– Уж поверь мне. Ты человек.

Гнетущее чувство внутри сердца девушки сменилось на восторг, и мурашками прошлось по её коже, создавая её видимое тело.

– Иначе бы тебе просто не было нужды испытывать подобные эмоции!

– Спасибо тебе, Арчибальд... А как же ты? Ты ведь не только человек, но и...

– Ох, перестань, а то опять запутаешься. Я алхимик, вечно играющий шут и первооткрыватель. В том числе, – Арчи поднял палец вверх, указывая на золотое изваяние раскинувшегося на колесе человека.

– Ну, что за безвкусица, – оперевшись руками в свои бока, заключил Арчи, – когда я летел вниз на этом грёбаном колесе, которое мои слушатели пустили под откос со скалы, у меня была бешеная эрекция! Нет, не подумай ничего плохого, я не кайфовал от того, что на мне живого места не останется, но ощущение того, что я уже не испытывал эмоций к осудившим меня за изобретательность людям, дало мне такой энергетический толчок, что я морально испытал сильнейший оргазм за всю свою жизнь. Ну и тело моё отреагировало соответственно! Ну а это что? Какая-то тряпка на моих причинах – чего это они ещё моё лицо не закрыли, да и вообще спрятали бы и круг, и меня подальше. И фантазировали!

Гелла рассмеялась.

– Я рада, что встретила тебя, – подняв глаза на него, проговорила она.

На Арчибальде был всё тот же переливающийся смокинг, на голове – утконосы с перьями, а лицо представляло собой геометрически сплетённые орнаменты, вибрирующие и изменяющие форму и цвет, подобно и голову этого человека.

– Покажи мне свое лицо, – протянув руку, попросила Гелла.

Вмиг линии приняли определённую последовательность и сформировали рот, уши, нос и глаза, которые, открывшись, посмотрели на неё – довольна?

– Никогда бы не подумала, что такой великий алхимик имел такой несуразный подбородок! – Гелла рассмеялась, и Арчи, постояв какое-то время, присоединился к ней.

– Ну, а чего ты хочешь? Могу и так, – вмиг лицо его превратилось в подобие космического богомола с двумя огромными, состоящими из сотен тысяч глаз сфер, которые уставились на неё. – Такой образ больше подходит?

– Да, но тот привычнее.

– А разве так интересно?

– Нормально, – сделав задумчивое лицо, улыбнулась Гелла.

– А могу ещё и так, – лицо вновь рассыпалось и собралось из тысяч фрагментов в чуть полноватое лицо, до боли знакомое Гелле.

– Ой, прости, – ответил человек в очках, смотрящий на девушку, я так и думал, что это была плохая...

– Но всё-таки моя идея, – закончила Гелла.

– Пожалуй, ну, так что...

32. – Понравился тебе подарок? – тепло улыбнувшись, спросил Фрэнк свою дочку.

– Ты уже девочке все уши этим прожужжал, – пожурила его жена.

– Да, но мне же...

– Конечно, папуля, – чмокнув его в щеку, ответила девочка.

– Я вас люблю, – притянув поближе дочь и любимую женщину, улыбнулся Фрэнк.

– Да, да, и мы тебя тоже, – закатив глаза, повторила в сотый раз за вечер Неган.

– Не паясничай, – пожурила Неган Гелла, – папа ведь от всей души это говорит!

– Так, я сдаюсь, – разведя руки, улыбнулась Неган.

– То-то же, – деловито отметила дочка, – папа, а где ты его раздобыл? Это же такая большая редкость!

– Скажем так... У друга раздобыл.

– Да, а что за друг? – оживилась Гелла.

– Да, старый-старый знакомый... Хоп его зовут.

– Хоп? – удивилась девочка, – что за имя такое странное?

– О! Да, ты правильно поняла, он не местный, – Фрэнк рассмеялся, – Хоппи родился в стране Золотого утконоса. Вы уже, наверное, изучали по географии историю этого государства?

– ДА! ДА! – Там живет очень древний и мудрый народ! И оно находится между нашими островными колониями и южной империей!

– Умница! – похвалил её отец, – а что ещё ты знаешь об этой стране?

– Хм... Что там живут эти... как они называются?! – девочка надулась, силясь вспомнить.

– НУ, ну, – давай! – подбадривал её отец.

– А! Шаманы!

– Верно, моя дорогая. Шаманы, и Хоп, кстати, один из них.

– Вау! – изумилась девочка, – а что они делают? – В ответ Фрэнк рассмеялся.

– Ну ты чего? Я ведь обижусь! – высунув язык, передразнила его Гелла.

– Ты прямо как твоя мама, – улыбнулся Фрэнк и посмотрел на свою жену, та тоже скорчила недовольную рожицу.

– Вот! Это я горел? – рассмеялся ещё больше Фрэнк.

– Ну, расскажи! – затопав ножками, настаивала Гелла.

– Хорошо, хорошо! – успокоил её отец, – если говорить о сути дела... То они лечат людей.

– Что? – удивилась Гелла, – то есть это врачи?

– Не совсем, – уточнил Фрэнк, – доктора, при всем моём уважении к ним, справляются только с причиной и последствиями нарушений в жизни человека, которые выражаются на их физическом уровне. Шаманы же действуют на внут-

реннем уровне и излечивают первопричину болезни. Это куда более эффективно.

– Это как? – заинтересовалась Гелла.

– Если на бытовом уровне – то, например... Представь, что в нашем домике появится дыра в крыше на втором этаже.

– Нет! Не хочу дырку! – запротестовала Гелла.

– Просто представь, – улыбнулся отец.

– Так, хорошо... Но она не появится? – забеспокоилась Гелла.

– Только если не будешь о ней часто думать. Так вот, – продолжил Фрэнк – начинается дождь и через крышу вода попадает в помещение. Из-за этого могут разбухнуть доски или испортиться предметы, что, конечно, нежелательно. Тем более, что залить может не только верх, но и нижние жилые наши этажи, включая спальни, кухню... Ты поняла?

Гелла кивнула.

– Так вот, врачи занимаются тем, что пытаются внутри дома во время грозы переставлять предметы, чтобы они не сильно испортились, что, согласись, не очень эффективно? Тем более, что никогда нельзя предугадать, когда может случиться настоящий ливень или гроза. А шаманы, несмотря на погоду, даже если разразится шторм, выходят из дома, лезут на крышу и заделывают дырку снаружи.

– Ух ты! Какие смелые!

– Да, не каждый врач сможет вылезти за пределы дома и уже оттуда решить проблему. Но таковы шаманы по своей

природе.

– Как здорово! Я тоже хочу стать шаманом! Можно мы туда поедем?! И ты познакомишь меня с Хопом, а? Пожалуйста! Пожалуйста!

– Это можно, да.

– Спасибо!

– Эй, спокойно, шаманом стать не так уж и просто.

– Я ничего не боюсь!

– Не сомневаюсь, ты ведь и обладаешь всеми нужными качествами, однако, тебе придётся быть сильной.

– ДА? Они проходят какие-то специальные подготовки?

– А то! Они много изучают мир вокруг, учатся слышать и видеть вещи, которые обычному доктору и не снились. И собирают знания, чтобы приготовить лодку, по которой берут с собой больного.

– Лодку? Зачем?

– Не в прямом смысле. Они учатся подбирать травы. Каждую индивидуально, чтобы получался напиток, который они используют для путешествий.

– Вау! Я все поняла!

– И что же?

– Напиток этот и лечит людей! Он такой вкусный, что, попробовав его, все тут же вылечиваются! Да?!

Фрэнк рассмеялся.

– Он гадкий на самом деле, наверное, самое ужасное на вкус, что можно попробовать!

– Фу, – скорчила рожицу Гелла, – это как съесть тысячу кашек!

– Гелла – пожурила её мать.

– Что?! – удивилась дочка.

– Да, прямо как съесть миллион кашек! – рассмеялся Фрэнк.

– Я вас не знаю, – отвернувшись, улыбнулась Неган.

Фрэнк лишь пожал плечами, а Гелла рассмеялась ещё больше.

– Но это всё не главное, – Фрэнк опустился с кресла на подушки, на которых лежала Гелла, крутя в руках калейдоскоп, и положил руку ей на грудь, – самое главное для шамана – иметь смелое сердце, которое не смотря ни на что верит в свой путь и никогда не сворачивает с него!

33. Харт отрезал кусочек индейки и положил её себе рот, неспешно пожевав полминуты, он поднял глаза на собеседницу.

– Правда? – поднял он одну бровь, – а чем же тогда занимаются солдаты Империи?

Гелла сжалась в пружину – в её голове мелькали образы, готовые вылететь пулями в голову Императора, – но она понимала, что, возможно, ещё ситуация может развернуться в совершенно ином направлении, а потому не стоит совершать поспешных действий.

– Каждый из них, за исключением меньшинства, превра-

щается в дикого зверя – это не то, что должно происходить в мире. Я считаю, в наших силах поменять это. Вы как Император должны остановить ту бойню, что сейчас происходит в землях утконоса! Это наш долг! Долг как жителей великой Империи! И долг как людей!

Харт не мигая смотрел на Геллу, затем взял салфетку и вытер рот – я понимаю, это ужасная трагедия для всех нас без исключения, – он прикрыл глаза – однако, превращение в зверя необходимо, когда твой враг сам – чудовище. Если мы будем мягкосердечными то...

– Но ведь никакого чудовища нет! – выкрикнула журналистка, не в силах себя контролировать, – вся злоба находилась внутри солдат, и этому способствует та свобода, которую вы им дали!

– Правда? – вновь поднял на Геллу ничего не выражающие глаза Харт, – но разве свобода – это плохо?

34. Гелла как зомби следовала за шатающейся фигурой Комманданте.

– Ко мне! – заорал он, выйдя на улицу и волоча за волосы находящуюся в бреду девушку, вслед за которой тянулся чёрный след от её крови.

В этот момент перед ним выстроился отряд его солдат.

– Соберите всех этих скотов в их «храме», – командир хищно улыбнулся. Солдаты рассыпались по посёлку, и через десять минут всё небольшое население оказалось под трост-

никовой крышей центральной постройки.

– Вываливайте! – скомандовал военный, – в центре постройки солдаты начали сбрасывать рукописи, принадлежавшие жителям деревни, их ритуальные наряды, склянки с отварами, необходимые для проведения инициации, и даже игрушки детей.

– А теперь, – важно вышагав к этой горе предметов, надменно обратился команданте к напуганным жителям, – я спрашиваю вас, лиловозады, – что это такое?!

Повисло молчание, мужчина нахмурился и, вытащив пистолет, направил его на ребёнка, – ещё раз спрашиваю, что это?!

– Наши... стараясь не расплакаться от ужаса, – заговорила мать ребёнка, – наши ритуальные ...

– Ритуальные, а?! – расхохотался капитан, – это даже не религия! Это дерьмо! Хотите я докажу вам, а?!

Гелла стояла, не веря своим глазам, наблюдая за тем, как команданте залез на кучу этих вещей и, приспустив штаны, стал вываливать на них содержимое желудка.

– Вот! – расхохотался он, – это дерьмо! Видите?! А?! Я не слышу!! – он наставил пистолет на мальчика. – Я не!.. – оборвался он на полуслове.

– Что тут происходит? – раздался властный голос из-за спины Геллы. Она тут же обернулась, позади неё стоял подтянутый человек с короткими седыми волосами, который грозно возвышался, казалось, не только над ней, но и над

всеми остальными. Она увидела на его груди гигантское кроваво-красное сердце.

– Господин командор, – ошарашено проговорил полуголый военный, судорожно натягивая штаны, в которые лились неостановимые помои.

Тот, к кому он обращался, повторил вопрос: – Что тут происходит?

В голове Геллы заиграла мелодия надежды, возможно, сейчас всё будет кончено. Это же ведь не просто обыкновенный имперец, а один из избранных героев, командор и...

– Почему эти фиолетовые обезьяны всё ещё живы? – недовольно хмыкнул он.

Геллу как молнией ударило.

– Господин командор, – начал оправдываться капитан, – дело в том, что наши солдаты очень устали, вот они и захотели немножко...

– Так, ускорьтесь. Даю вам 5 минут, и чтобы тут камня на камне не осталось, – с этими словами командор удалился. Гелла стояла, не в состоянии пошевелиться: «Что делать? Бежать за ним? Просить помощи? Это смешно, нет... это просто безумие, так не бывает!».

– Слышали, оборванцы?! – проорал команданте? Берите своё и сваливаем!

Часть солдат осталась держать мужчин на мушке, а часть двинулась к девушкам, которые начали верещать, когда солдаты стали срывать с них одежду.

– Не хотят, сэр! – недовольно пожаловался солдат, съездив девушке по лицу кулаком.

– Это потому, что у вас силёнок маловато! Ладно, начните с их самцов, а потом уже и эти суки подтянутся.

Солдаты нацелили автоматы на мужчин, и часть из них обошла сзади согнутых жителей деревни, начав их раздевать. Один из мужчин, не выдержав и издав боевой клич, прыгнул на мучителя, но тут же получил очередь в спину. Девушки закричали, команданте расхохотался: «Да, давай-те! Покажите, кто тут настоящие мужчины! Эти убогие или солдаты Империи!».

Гелла, будто бы словив злобу только что убитого индейца, сама издав нечеловечий рык, бросилась на солдат, но тут же подкосилась и свалилась во тьму.

Открыв глаза, Гелла поморщилась от головокружения, и, попробовав рукой прощупать пульсирующий участок боли, поняла, что голова её перевязана. Встав с кровати, девушка, пошатываясь, направилась к двери. Она тут же распахнулась перед ней. На пороге стоял молодой имперец, который отдал ей честь.

– Госпоже Гелле велено немедленно явиться в распоряжение командора...

Гелла не слушала его больше, тело её обомлело, и она, как облако, подгоняемое ветром, проследовала вслед за солдатом через лабиринты коридоров к кабинету вышестоящего чина.

– Входите, – раздался скрипучий голос, когда имперец постучал в дверь. После перекидываний формальностями журналистка осталась сидеть напротив командора, глядя перед собой и не видя в нем и толики человеческого.

– Как ваше состояние? – поинтересовался мужчина.

– Как видите, – бесстрастно ответила Гелла.

– Это хорошо, – выдавил из себя подобие улыбки военный. Он открыл ящик стола и, порывшись, извлёк из него пачку бумаг, которые приземлились прямо перед Геллой.

– Ваша командировка подошла к концу, – заключил командор, пододвигая кипу бумаг, – вам повезло, что вы возвращаетесь домой невредимой, почти. Вы помните, что произошло?

Гелла уставилась на него, не понимая, держат ли он её за дуру, или командор сам не дружит с головой.

– О, тогда я напомню, видимо вас всё-таки сильно приложили.

– Твои же солдаты, – пронеслось в голове Геллы.

– На мирное поселение к югу от базы было совершено нападение группировки вооружённых шаманов. При проведении спецоперации по ликвидации и освобождению заложников, – продолжил командор, – группа, состоящая из 15 шаманов, была устранена. Но в ходе операции шаманами-агрессорами были сожжены заживо все жители поселка...

Гелла почувствовала, как воздух вокруг неё давит ей на мозг, проникая чрез кожу и череп.

– Таким образом, доблесть наших солдат спасла вам жизнь, когда вас оглушил один из шаманов с помощью своей магии. Всё это есть в предоставленном отчёте. – Командор пододвинул папку с бумагами ближе к Гелле. – Можете ознакомиться с ними по дороге, вас уже ожидает транспорт, который доставит вас обратно в Империю.

– Но ведь, – Гелла не выдержала, – там не было никаких шаманов! Никакой магии, вы спятили?! Там был команданте и вы, вы же!..

– Всё в отчёте, я же сказал, – не меняя безразличного тона, перебил её командор, – вы просто устали. Конечно, пережить такой стресс после встречи с шаманами! Они и разум ваш могли прополоскать как следует! Но вы не волнуйтесь! Это пройдёт.

Гелла как во сне покинула кабинет и через несколько часов уже летела на вертолёте обратно в империю. Тотальная, чудовищная ложь душила её, сдавливая горло. Как же так? Это место, эти люди... Чему теперь верить? Гелла была в катастрофическом ступоре. Богиня, подскажи, помоги...

35. – Я не знаю, Гел, – можно я так тебя называть буду?

– Арчи, конечно, можно, – выдохнула Гелла.

– Ну вот и славненько.

– Наверное, я слишком эгоистична.

– Почему?

– Я заставляю переживать тебя все эти вещи...

– Да брось ты! Нельзя оставлять работу недоделанной!

– Думаешь, это работа? – удивилась Гелла.

– Ну, могу назвать это проработкой воспоминаний. В любом случае, это деятельность, направленная на получение какого-то результата, так?

– Думаю, да.

– Так почему бы нам не послать всё это подальше и не открыть новую главу? Начать создавать её заново, несмотря на всё, что с нами произошло? А? Тогда и цель не нужна, мы просто будем наслаждаться процессом написания истории!

– Извини, но я так не могу. Пока не могу...

– Да? А когда сможешь?

– Не притворяйся, Арчи. Ты сам прекрасно знаешь, когда!

– Может, в тот самый момент, когда ты возвала ко мне в вертолёте, и я не ответил тебе?

– Хм, если ты готов принять на себя и эту ответственную роль, то да. Значит, ты помнишь, что было и после этого?

– О да, ты страшно разозлилась.

– Да?

– Ага, и поклялась наказать каждого преступника до последнего...

– Что такое?

– Или же не всех? – прищурился Арчибальд.

– Но я ведь не знала тогда... – Гелла закрыла глаза и улыбнулась – о Нём....

36. – Что мы тут делаем, Майкл?

– Ждём, – мрачно отозвался сослуживец, уткнувшись в руль автомобиля и наблюдая за толпой, собравшейся у Колизея.

– Спасибо за пояснение! А то я не заметил! Я спрашиваю, чего именно мы ждём, а? Не знаю, как ты, а я уже восьмь суток без сна! Если я и дальше буду сидеть на стимуляторах, то, когда усну, Майки, ты окажешься без напарника, задумывался об этом?

– Брук, приказ Кранка – быть здесь. К тому же, мы не единственные, кого управление послало сюда.

– Я в курсе! Это меня и раздражает! На кой чёрт тут столько агентов собирать?!

– Для безопасности.

– Безопасности? Да тут же целый парад! Половина военных имперцев, причем, элита! А ты за них беспокоишься.

– Я не знаю в чем смысл всего этого, – мрачно отозвался Майкл, – просто у меня плохое предчувствие. Тем более, у нас приказ.

– Господи, какой же ты зануда, да что тут может произойти...

Машину и все близлежащие дома встряхнуло, выбив не одну сотню окон ударной волной. Пытаясь не потерять сознание от вибрации, Майкл смотрел вперед, с ужасом наблюдая, как над стадионом поднимается демонический зелёный вихрь.

– Господи, – выдавил из себя Брук, вжавшись в спинку сидения.

Через несколько минут двое агентов отряда Сердца уже были в эпицентре событий, в круговороте из пожарных машин, военных транспортёров, вертолётов скорой помощи. Брук метался вместе с другими членами отряда по территории, собирал информацию, налаживал кооперацию с прибывшими имперцами, чтобы они помогали выжившим сослуживцам и их семьям покинуть горящий Колизей.

Майкл же стоял полностью отстранённый, в ушах стоял звон, но не от взрыва, а от густоты пространства, что скрутило его тело. В рамках своей оперативной деятельности Майклу приходилось сталкиваться со смертями, с гнусными преступлениями, которые мог выдумать, казалось, только мозг очень изощрённого сценариста криминальных фильмов, однако, которые на поверку оборачивались жестокой реальностью. Но даже эти эпизоды не шли ни в какое сравнение с тем, что происходило сейчас. В какой-то момент, в подтверждение тому, что миром взаправду управляло некое злое божество, часть стадиона обвалилась, погребя заживо тех, кто ещё мог остаться в живых. Пыль с грязью моментально вздыбились и накрыли всех находящихся поблизости. Майкл стоял, зажмурив глаза и закрыв руками лицо. Все горе, весь ужас и непонимание людей, которые по чьей-то злой воле оказались в эпицентре трагедии, материализовались в этот режущий вихрь из пыли, в которую превратились чьи-то

судьбы. И сквозь него Майкл слышал плач, всхлипы. Сначала он подумал, что его воображение играет с ним злую шутку, но затем, несмотря на этот буран ненависти, он распахнул глаза, а возможно агент смотрел даже вовсе не ими, а тем, что билось в его грудной клетке, и увидел на руинах Коллизея женщину. Она возвышалась над ураганом. Майкл никак не мог понять, мерещится это ему или происходит на самом деле. Женщина рыдала, прижимая к груди мальчика лет десяти, в военной фуражке имперца, ниже живота ребёнка ничего не было, взрыв поедал всех, не глядя на возраст. Она сильно сжимала его руками. Майкл чувствовал, что женщина понимала, что уже ничего не может сделать для своего ребёнка, она молча убаюкивала его, чтобы ребёнку легче было забыться вечным сном. В следующий момент женщина, будучи спокойной, затряслась, подняв голову вверх взрыва, а затем её голос перерос в рокот, сотрясший землю, а пыль, которая хаотично летела, заставил принять форму спирали. Майкл и женщина находились теперь в центре урагана из скорби, который оглушал и парализовал всё тело. Майкла трясло, он смотрел на женщину и не представлял, как ей помочь, как унять её горе, но тут он заметил и другое – женщина не рыдала, это был крик, крик, полный гнева, который трансформировался в сгущённое фиолетовое проклятие, которое проникало во всё вокруг. Ничто не могло помочь этой женщине, ни ей, ни тысячам других. Она понимала это, как никто, ведь ни одна живая душа не хотела услышать её плач,

и тогда она трансформировала всё своё отчаяние в силу, которая должна была смести всё то, что причиняет боль ей и миллионам других людей. Майкл схватился за своё сердце. Он чувствовал, как рука его проходит сквозь кожу, мясо, ломает кости и хватается за него. Он чувствовал, как его сердце покрывается этим лиловым проклятием. И каждый человек в мире тоже, осознавал он этого или нет. Майкл не мог винить эту женщину за такой сомнительный дар, однако он был благодарен судьбе, что оказался именно в этой точке мироздания в этот тягостный, но в то же время поворотный момент в истории. Ему претила мысль, что всё это могло произойти с ним или с кем-либо другим, однако урок, который он вынесет отсюда, был куда ценнее – даже если человек находится в неведении, он все равно часть мира, часть этого огромного живого сердца, которое состоит из тысяч других сердец, и когда хотя бы одно из них плачет, мир не должен быть счастлив! Просто не может себе этого позволить, пока другие корчатся от бессилия что-либо изменить! Вторым уроком Майкла было то, что он был в этом осознании не одинок, на таком же расстоянии от женщины, только с другой стороны, стояла молодая девушка, которая так же держалась за своё сердце, и Майкл знал, что она чувствовала то же самое, что и он! Кто же, кто же ты?..

Майкл очнулся ото сна, точнее, от воспоминания того рокового дня, когда был совершён поджог шаманами Колизея, и он точно знал, почему именно сейчас он прожил собы-

тия десятилетней давности. Тот силуэт молодой девушки, который он видел, это была она... Майкл был абсолютно в этом уверен, он начал лихорадочно разбирать бумаги, которые ему предоставил Кранк, и он увидел наконец её фотографию, которую не единожды встречал в газетных публикациях за последние годы. Это была Гелла, та, что Майкл был уверен, знала правду о шаманах, та, которая тоже видела богиню-мать, и та, которую ему поручили убить.

37. – Как интересно, – вскинул одну бровь Харт, – вы так изящно приравняли свободу к убийствам. Хотя я слышал мнение, что именно тоталитаризм ведет к бесконтрольным расправам.

– Вам это лучше знать, – парировала Гелла.

– Отнюдь, – улыбнулся Харт, подняв бокал.

– Пожалуй, пропущу, – отвергла его предложение девушка.

– Ваше здоровье, – пригубив бокал, заключил Харт, – замечательно, не находите?

– Что именно?

– Я как человек ответственный за всю Империю могу свободно с вами беседовать, – резко сменил тему Харт, – абсолютно непринужденно могу общаться с вами, человеком, далёким от такого бремени. И инструментом нашего общения является, – Харт потряс жидкость, которую только что испил, – небольшой градус, который подогревает наше дове-

рие друг к другу, разве нет?

– Я бы запретила алкоголь, – отрезала Гелла.

– Оу, вы заговорили как самый настоящий диктатор, про которых любите писать в своих статьях. И чем же вызвано столь категоричное заявление, в котором вы решили, что знаете за других, что им не полагается?

– Алкоголь бесспорно может расслабить и притупить мышление человека, однако это не несёт никакой пользы. И видимое величие, и надежда, которую дает опьянение, пагубны как для отдельно взятого человека, так и для всей нации.

– Да вы что, – облокотившись подбородком о кулак, выразил интерес Харт, – но, например, «сердечный ром» очень популярен в Империи, и было бы преступлением отобрать его у граждан!

– Преступление – это запрет чего-либо без возможности разумной альтернативы.

– Да? И что же вы предлагаете?

– В землях золотого Утконоса шаманы, – Харт при этом упоминании чуть сузил глаза, – используют передающийся по наследству рецепт приготовления напитка Сиацоатль. Польза распространения и подконтрольного внедрения как альтернативы рому тут очевидна, если вы сведущи в фармакологии. А я уверена, что человек вашего уровня и положения должен разбираться в этой сфере.

– Хм, действительно, интересная мысль. Но не думаю, что

это разумно.

– Почему же?

– Начнем с того, что это весьма опасный напиток.

– Почему вы так решили? – насторожилась Гелла.

– Скажем, мой друг разделяет противоположную вашей точку зрения. Ведь так?

– Именно, – голос из-за спины заставил Геллу вздрогнуть, девушка обернулась и застыла на месте.

– Мне говорили, что вы знакомы, – оскалился Харт, когда третий участник беседы сел за обеденный стол.

– Разве это может быть реальностью?! Чтобы этот человек был тут и... И...

– Хм, я в тебе ошиблась.

– А?! – Гелла поднялась и поняла, что всё, что она пережила, было галлюцинацией или сном. Она находилась вовсе не на лайнере с... Она не могла вспомнить ни лиц, ни имен людей, с кем вела беседу. Окончательно потеряв связь с этими сокрытыми воспоминаниями, она занялась объективизацией того, что её окружало. Это была хижина, да. Теперь она вспомнила! Она пришла, чтобы взять интервью у женщины и...

– Ты отправилась в путешествие, но ты всё же вернулась обратно, значит, ты невиновна, – признаюсь, я удивлена.

– Простите? Что со мной произошло?

– Это древняя магия, – начала женщина, – шаманы могут не только вылечить, но и убить. Я когда-то была шаманом,

поэтому могу сказать наверняка.

– Я не понимаю... – всё ещё приходя в себя, прошептала Гелла.

– Я навела на тебя порчу, проклятие.

Гелла выпучила глаза, осознав, в каком положении находится. С другой стороны, она всё ещё была жива и относительно невредима.

– Но ты прошла испытание, – тихо сказала женщина, – прости, что сомневалась в тебе.

– Нет, это вы меня простите, – ещё до конца не осознавая произошедшее, изумилась Гелла, – я пришла к вам в дом и захотела задать очень сложные вопросы. Но всё же... Я хотела бы знать, что вы сделали с мной?

– Это называется раскрытие. Проклятия как такового не существует, мы не насылаем микробов, чтобы разрушали тела, также мы не можем воззвать к демонам и прочим сущностям. Суть любой порчи состоит в раскрытии внутреннего нутра цели. В данном случае – твоего. Любое действие человека влечет за собой последствия и не только для окружающих, но, в первую очередь, для него самого. И вопрос времени, когда этот эффект проявится. В данном случае всё, что может сделать маг, – это свести воздействие этого обратного эффекта волны к данной временной точке и сократить временной промежуток между действием и последствием. А так как у многих людей есть проступки, за которые они так и не понесли наказания, проклятие, как правило, работает во

всех случаях.

– Как-то неправдоподобно звучит, – призналась Гелла, – разве такое возможно?

– Нет ничего невозможного в этом мире. Тем более, это разумно – поддержание баланса.

– Но как же вы? Если вы ускоряете процесс, то и сами...

– Да, шаманы тоже одновременно с объектом воздействия ускоряют бег собственных часов испытаний.

– Пожалуйста, продолжайте, – Гелла, несмотря на смертельную усталость, строчила все заметки в свой блокнот.

Женщина улыбнулась: «Для тебя очень важна твоя работа, и даже в таком шатком состоянии ты продолжаешь этим заниматься. Что движет тобой?».

Гелла прекратила писать.

– Что движет? Знаете, я сама не раз задавалась этим вопросом. Зачем я всё это делаю, для кого и для чего? Может, для себя, а может и для вас, я не знаю. Я сокру и в том, и в другом случае. Но я просто не могу не поступать иначе и не влезать во всё это! Эта, эта война, эти шаманы... простите...

– Ничего, нас называют демонами, убийцами. Действительно, на нашей земле родились убийцы, но они не шаманы.

– А кто? Вы же сами сказали, что обладаете силой, способной убивать людей и...

– Глупая! Мы не убиваем людей. Мы лишь раскрываем зло, сокрытое в человеке, и лишь от его решений будет зависеть то, что дальше он будет делать с этим бременем. Кто-то

сдается и умирает, кто-то продолжает борьбу, несмотря ни на что и начинает ценить не только свою, но и жизнь других как великий дар.

– Тогда как же... зелёное пламя! В нашей Империи оно неоднократно убивало! Тысячи людей, страшно подумать, сгинули в нём и... Это же шаманы, их разрушительная сила, по крайней мере...

– Так вам сказали, – заключила женщина, – я покажу тебе кое-что.

Женщина удалилась в соседнее помещение и вернулась со свертком.

– Я продала всё, что у меня было, чтобы мне отдали это... – женщина развернула свёрток, и Гелла почувствовала, как содержимое её желудка подскочило к горлу. В свёртке лежали обугленные человеческие кости.

Гелла усилием воли подавила импульс и сдержалась. Однако ещё более сильное чувство взыграло в ней, и она ощутила, что вот-вот расплачется. Раздался стон, но плакала не Гелла, а эта пожилая женщина. Она прижимала кости к груди и слёзы лились по её щекам.

– Мой сын пропал, когда началась вся эта история с «шаманами». И в итоге... не только он, но тысячи парней и девушек сгинули.... Я даже не знаю, мой ли это сын, но все равно я похороню его по всем обрядам нашей деревни. Тогда может кто-то и сможет похоронить моего. Ты из Империи, скажи мне, чем мы заслужили такое? Говорят, что это сделали

шаманы в вашей стране и в нашей. Но нет у шаманов такой силы, такой злости! Эфирный огонь, который безжалостно вырывается вашей армией из наших земель, теперь используют как дракона, который пожирает наших детей по обе стороны границы! И людская алчность, злоба и тупость губит эти жизни. Мы шаманы... Мы просто жалки, на нас свесили поступки, на которые мы физически не способны!! – женщина уже выла, не стесняясь чужестранку. Скажи мне! Что мне сделать, чтобы прекратить это?! Ты ведь как его... журналист! Скажи, что можно с этим сделать?! Почему я должна отдать все свои вещи, всю свою гордость, всю силу шамана, чтобы выкупить кости сына у убийц? Почему, ответь мне? А?А?! Аaaa...

Женщина загнулась в рыданиях на полу. Гелла смотрела на неё и не верила глазам, «Лиловый Трайб» никогда так не провожали смерть. Все ритуальные церемонии были преисполнены танцами, праздником, это считалось переходом на новую ступень сознания. Но то, что происходило сейчас... Это было насилием над жизнью, насилием над самим разумом! Как такое может произойти? Это действительно не просто смерть, это трагедия не просто человека, но мира в целом. Гелла отчаянно хотела заплакать, но, закусив до крови губу, опустилась к женщине и обняла её и ещё недавно гуляющего под солнцем мальчика. Она тоже была матерью, она даже боялась представить, через что пришлось пройти этой сильной женщине. Значит и она должна быть сильной!

Она просто не имеет права испытывать к себе жалость в такие моменты! Никогда, никогда! Она должна разобраться во всём этом, прекратить эту бойню! Это в её силах! В силах человека сделать так, чтобы жизнь стала не разменной монетой в чьей-то безумной игре, а высшей ценностью, какая только может быть в этом мире.

38. – Неплохие слова Гел, но всё же, весьма вторичные.

– Пожалуй, а что бы ты сказал... Или подумал в данном случае?

– Хм, – Арчибальд задумался, – в такой ситуации я бы полностью отдался чувством и разрыдался бы как маленькая девочка, которая ушиблась коленкой.

– Опять ёрничаешь?

– Вовсе нет! Или ты не видела, как могут трансформироваться плачущие дети?

– Уж поверь мне, знаю. Я мать как-никак.

– Ага-ага, только вот у тебя парень растёт.

– Зато очень эмоциональный.

– Буэ... Так и скажи – плакса!

– Эмоциональный, – улыбнулась Гелла, – уверена, в сложной ситуации он сбросит эту показную маску.

– Но тебе бы не хотелось, чтобы такое случилось, правда?

– Никакой матери не захотелось бы.

– Ладно, прости, понимаю это очень личная тема.

– Ничего страшного, ты ведь поэтому и перенёс моё со-

знание в этот слой эфира, чтобы привязанности не сбивали вибраций ума.

– Несмотря на то, что ты пытаешься орудовать понятиями несуществующих вещей, звучит правдоподобно.

– Только если ты, как хозяин этого места, создашь для их возникновения все условия.

– Я же не всесильный! По крайней мере, не в том понимании, в котором ты представляешь мои возможности.

– Тем не менее.

– Тем не менее?

– Думаю, ты знаешь, куда ещё я хочу отправиться.

– Слушай, стоило ли разводить тут эти тирады, когда можно было просто попросить?

– Пожалуйста.

– Ладно, давай посмотрим ещё немного на мыльную оперу под названием «Жизнь Геллы»

– Ты бы снял такой сериал?

– Пожалуй, думаю, он был бы интереснее многих. И, пожалуй... честнее.

– Спасибо.

39. – И что это? – вскинула бровь Розмари.

– Отчёт о командировке.

– А где печать? – не унималась редактор.

– Ах, вы про текст, который мне подсунул командор... – я оставила его в туалете аэропорта, – всяко больше пользы

будет.

– А это?

– Собственноручно написанный отчёт по памяти обо всех событиях, что происходили со мной за время пребывания в стране Золотого Змея.

Редактор грозно смотрела на подчиненную с полминуты и тут же расплылась в улыбке, – вот такие сотрудники мне нужны! Молодец! Гхм, прости, конечно, за подобный тон. Подобная работа прививает здоровый, если он, конечно, бывает, цинизм и атрофированное чувство юмора. Особенно когда половина кандидатов с истерикой врываются в кабинет с просьбой возместить им моральный ущерб. НА кого ты идёшь работать? На мороженщика или на журналиста? Нужно же себе отдавать отчёт! – возмутилась Роуз, – ладно, не обращай внимания. С докладом я ознакомлюсь. А ты молодец. Я представляю, что там сейчас творится, сама была там, около месяца назад. Просто я должна была убедиться, что ты выдержишь и не убежишь от нас через месяц работы.

– Мне нужно вернуться.

– Что?

– Мне нужно вернуться в страну Золотого Утконоса.

– Так. Стоп, стоп, дорогуша. Я понимаю, ты сейчас находишься в немного шоковом состоянии. Или ты просто дразнишься, но уж поверь мне на слово, тут у тебя найдётся тоже много экстремальных репортажей и...

– Пожалуйста. Это мой долг. Быть там, – отчеканила жур-

налистка.

– Моя Богиня, девочка, – Роуз достала сигарету и закурила, – буду откровенной. Ситуация там обостряется с каждым днём. И поверь, эта страна сегодня уже не такая, какой была даже неделю назад. То, что там происходит, будет только усугубляться. Денег много ты не получишь за обзор этих событий, и славу в Империи приобретешь сомнительную, плюс Брайан рекомендовал дать тебе...

40. – Сенсацию! – взвизгнул Брайан.

– Что? – сквозь туман переспросила Гелла, – мы только что засняли сенсацию!

– Поджог Колизея! Агенты сердца! Это непростая заварушка! Что бы там не происходило, мы дорого продадим эти снимки и наш репортаж!

– Продадим?

– Вот именно! Люди обожают, когда что-то происходит. Особенно таких масштабов! ДА наша статья будет на первых полосах уже через пару часов! Вот увидишь!

– Зачем?

– Что значит зачем? Гел, да это же поворотный момент нашей истории! Империи! Ты только подумай – на нас напали ШАМАНЫ! В учебниках для будущих поколений нас запишут как свидетелей этого акта агрессии, как людей, которые не побоялись выступить против их агрессии и...

Гелла не слушала своего мужа, перед её взором все ещё

была та женщина, нет, воплощение богини, которая сжимала своего ребёнка.

– Был ли это фантом? Или предупреждение? Или крик всего мира? Почему только она видела это? Нет... там был ещё один человек. Он был так далеко, но, несмотря на это, я чувствовала его, его сердце, вибрацию его ума... Он тоже видел всё это! Я не сумасшедшая! Нужно только найти, только бы найти его!

– ... иди сюда, – страстно проговорил Брайан, притянув к себе Геллу, но та отвернулась, когда он захотел поцеловать её.

– А! Значит, хочешь без прелюдий, ну, тогда ладно!

Брайан ловко перевернул её на кровать и начал стягивать брюки.

Гелла лежала, понимая, что не может испытывать больше эмоций к этому человеку.

Брайан же наоборот был на гребне волны, но он хотел не Геллу, он хотел репортажей, денег за них, славы, ему нужна была сенсация.

Он уже хотел было войти, но понял, что там сухо. Это его несколько не смутило и он, достав смазку, обработал низ Геллы и свой член, через полминуты войдя в неё и начав двигаться.

Гелла сжалась, но даже не от боли, а от омерзения внутри. На секунду она подумала, что чокнулась, с ней занимался любовью её любимый мужчина, который вот-вот должен

был разбогатеть на одном из самых знаковых событий, что произошли в Империи за последнюю тысячу лет. Но вместо восторга и возбуждения Гелла испытала такое презрение к людям, что даже не задумывались о чужом горе, к Брайану, которому была безразлична чужая боль, но самое главное, Гелла тихо рыдала, уткнувшись лицом в подушку, от отвращения к себе, которая до этого дня жила, будто бы отгородившись от внешнего мира стеной иллюзий, оберегавших её от настоящего кошмара и правды.

41. – Правда у каждого своя, хотя кто я такой, чтобы судить об этом? – пожал плечами Арчибальд.

– Похоже, сериал всё же был не такой уж и комедией, как могло показаться, – грустно улыбнулась Гелла.

– Это ещё как посмотреть, – задумался её друг. – Жизнь – как монета с двумя сторонами, с одной – трагедия, с другой – комедия. Можно бесконечно много подбрасывать её вверх, и каждый раз будет выпадать своя доля...

– Случайно? – уточнила Гелла.

– Выпадать-то? Считаю, что так, хотя случайность и закономерность – это две стороны совсем другой монеты, которую так же можно подбросить и получить совершенно неожиданный результат.

– Я ожидала услышать от тебя нечто подобное.

– Надеюсь, это тебя не сильно обидело?

– Нисколько. Ты лучше продолжай.

– А, да! Так вот, с одной стороны трагедия, а с другой – комедия, но монета-шоу под названием жизнь в любом состоянии остаётся всё той же, как на неё ни посмотришь.

– Только для человека монета эта нереальна, – парировала Гелла, – он может жить лишь с одной стороны, а не на ребре и уж тем более не вне этой волшебной валюты вселенной.

– Всё потому, что человек так же эфемерен, как эта гравировка по обеим сторонам. Поэтому и реагирует ум на проявления, а не на корень так сказать этой дуальной проблематики.

– Словами всё равно неважно у тебя получается объяснять.

– Безусловно, слова путают. Самое честное и ясное рождается внутри, – Арчи указал на левую часть груди Геллы, – в зависимости от реакции на ту или иную ситуацию.

Гелла прошла рукой сквозь поверхность своего тела и сжала своё собственное сердце.

– Это так глупо, – улыбнулась она, – моего тела не существует, и я всё равно притворяюсь, что я человек.

– Почему же притворяешься?

– А как это ещё назвать?

– Ты играешь роль Геллы, притом очень честно и от всего сердца. А притворяются существа обычно неискренне, и это уже чистой воды профанация и фиглярство. А на такой спектакль я бы никогда не купил бы билета!

– Может быть у тебя дурной вкус? – решила подколоть его

Гелла.

– Возможно. Но пока мне нравится представление, я буду считать, что у меня он хороший. Как наскучит – сразу же отрекусь от этого прошлого и придумаю отмазку поудачнее, зачем потратил столько времени впустую.

– Спасибо за честность.

– Себе скажи спасибо, – подмигнул ей Арчибальд.

42. Гелла зажмурила глаза и перенеслась на десяток лет в прошлое – в день своей первой внутренней «инициации». Вибрирующее облако информации, которым она являлась, обретало плотность и превратилось в молодую, жаждущую новых впечатлений девчушку, летящую сквозь пространство и время к ощущению восторга и нескончаемого счастья, которое обещал ей рассвет. Ориентирами к этой цели служили возникающие по мере её движения здания по левую и правую сторону и дорога под ногами, развёртывающаяся под двумя колесами бесконечности велосипеда, который оседлала путешественница, гоняющаяся наперегонки сама с собой. Эта вторая «Я», как отметила про себя Гелла, превратилась в Брайана, и вместе с ним она то сходилась, то разъезжалась в стороны, оставляя за собой два следа от шин, которые, переплетаясь друг с другом, образовывали спираль биологической идентичности, создавшей тела двоих вечных спутников. Впереди виднелся трамплин, на который Гелла, перекинувшись взглядом со своим двойником, устремилась с таким неистовством, будто бы от этого зависела вся жизнь во все-

ленной. Вновь разъехавшись, двое влюблённых резко бросились к трамплину и со скоростью, превышающей световую, столкнулись прямо на нём, однако, вместо взрыва, который должен был немедленно последовать после столкновения таких мощных энергий, случилось нечто поистине чудесное. Их тела на мгновение, растянувшееся в вечность, соединились и объединили все миллиарды лет эволюции жизни в один неистовый миг, который стёр все, что было и что только должно было прийти в ослепительной вспышке небесной звезды, ознаменовавшей рождение мира и новый рассвет. Тут же их сущность вновь расщепилась, и два велосипедиста, высоко подпрыгнув, устремились в прыжке через начавшийся под ними песчаный пляж к морю, манившему обоих своими волнами. В полёте оба успели обменяться телами и посмотреть на мир с двух перспектив. И в том, и в другом случае падение было не чем-то хаотичным, а математически выверенным, по траектории, которая была спланирована, когда первые звёзды зажглись в небесах, то есть целое мгновение назад. И за такой маленький промежуток времени мир уже успел обрасти невообразимым количеством ответвлений и подробностей своей идентичности. Песок также уже рассчитал свое местоположение и каждый микроскопический камушек, из которого он состоял, замер в ожидании принятия двух гостей. В конце концов, два тела, всколыхнув весь пляж ударной волной, коснулись земли и прокатились до самого берега, нырнув в объятия друг друга, торже-

ственно обмытые ударившей в них волной. Она, откатив от берега, также забрала с собой этих двоих, которые продолжали держаться друг за друга. Теперь парочка с лёгкостью удерживала вес своего тела на поверхности воды, наблюдая, как геометрические линии на поверхности океана сходятся и, пуская волну своим соседям, меняют картину вокруг них, образуя всё новые и новые волны. Каждая из них была непохожа на другую, однако содержала тот же математический код, который просчитывал до малейших изменений поведение всего океанического потока.

– Ух ты! – восторженно воскликнула Гелла, поняв, что это вскрикнул Брайан, хотя особой разницы сейчас не было.

Девушка полностью разделяла чувства своего молодого человека и, проследив за его взглядом, запуталась лицом в паутине, которая спустилась с неба. Отбросив это поверхностное ощущение, Гелла увидела, что этот узор в небе был тем же самым, что лежал в основе волн, только создавал небесные тела, а не земные и морские.

– Что сверху, то и внизу, да?

Гелла перевела взгляд на мужчину, что прижимал её к себе.

– Да, пожалуй, сейчас я понимаю это как можно более ясно.

– Да? Значит, ты понимаешь, что вы с Императором суть одно и то же? И ваши желания совпадают?

– Ещё бы.

– Быстро же ты согласился, я даже не ожидала. И что, ты отпустишь свою возлюбленную на верную смерть? – осведомилась богиня.

Брайан смотрел на девочку-бабочку, которую сжимал в своих руках, и видел в ней Геллу, точнее, Гелла была этой богиней, а та, в свою очередь, была каждой женщиной на свете.

– Я не... Не знаю. Я не могу тебя потерять ... – растерянно сказал Брайан, – но если ты не будешь идти своим путём, то тогда ты уже не будешь собой, а...

– Это ты сейчас так легко об этом говоришь, – грустно улыбнулась бабочка, – пойдем, я покажу тебе.

– Куда? – удивился Брайан.

– Что предстоит пережить вам, – с этими словами обнажённая девочка поднялась над водой, расправив свои огромные полупрозрачные и испускающие фиолетовое свечение крылья и подхватив Брайана под руку, начала подниматься ввысь. Брайан почувствовал себя пушинкой, когда соскользнул с поверхности воды и начал стремительно подниматься в звёздное небо. Вместе с увеличением скорости подъёма звёзды начинали ускорять свой бег и вскоре превратились в пылающую воронку, из которой проявилась чёрная дыра, вновь обернувшаяся титаническим светилом, ставшим мировым зеркалом, в котором Брайан увидел свое отражение.

43. Гелла смотрела на своё отражение в зеркале и не узнавала себя. Перед ней была абсолютно жалкая женщина, ко-

торая не была способна ни на что. Ни остановить войну, ни прекратить убийства, ни даже разобраться с последствиями. Она лишь прижимала рыдающую женщину к своей груди и старалась не расплакаться сама. Что же не так с этим миром?

– Ты права. Он абсолютно безумен, – подмигнуло ей отражение.

– Арчи... – вырвалось из уст журналистки.

Женщина вздрогнула, вместе с тем Гелла испугалась, что, может, ей стало ещё хуже, однако та резко отстранилась и уставилась на журналистку ледяным взглядом.

– Что ты сказала? – абсолютно нечеловеческим голосом спросила она Геллу.

– А? Я...

Не дожидаясь ответа, Женщина схватила за узорчатый ковер, на котором они сидели, и резким движением вырвала его вместе с почвой из-под ног Геллы. Та с грохотом рухнула на спину, подивившись тому, что вообще осталась жива после такого падения. Следующим резким движением женщина набросила тяжёлый с виду ковер на зеркало.

– Что вы делаете?! – воскликнула Гелла.

– Что ты видела? – будто бы позабыв про свое горе, прикрикнула женщина, абсолютно не обращая внимания на замешательство девушки.

– Я... – тут Гелла провалилась на несколько секунд в комнату своего сознания, в котором открылись тысячи окон, через которые проскакивал золотой многоглавый Утконос,

соединяя все моменты её жизни с её рождения в строительную историю, которая уже была давным-давно завершена. И несмотря на это кто-то промотал пленку назад, и Гелла сидела на середине фильма, осознавая, что она даже не актёр, а картинка на экране вселенского кинотеатра. Что она ничто без того, кто смотрит прямо сейчас эту комедийную трагедию. И кто бы это ни был, спасибо ему за это...

Резкий шлепок вернул Геллу в так называемую объективную реальность, и она вновь столкнулась с покрасневшими от слёз глазами женщины.

– Кто это?! – вновь взвизгнула она, – кого ты видела в зеркале? О ком ты думаешь сейчас?

Гелла понимала, чего хочет женщина, она ни за что не могла позволить журналистке остаться наедине со своим внутренним голосом и миром.

– Его зовут Арчибальд, – протараторила Гелла.

– Это имя алхимика былых веков, – сузила глаза Женщина.

– В нашей культуре его почитают как бога, – парировала Гелла.

– И его именем вы оправдываете геноцид нашего народа? – всё же выскочило изо рта искалеченной войной туземки.

– Нет же, – замотала головой Гелла.

– Прости, пожалуйста, – смягчила свой тон женщина, – так почему ты сказала, что видела своего так называемого

Бога?

Гелла поняла, что, несмотря насколько ей покажется это безумным, она обязана рассказать об этом.

– Я не знаю, – выдохнула Гелла, – но он так называет себя.

– Кто? – ледяным тоном проговорила женщина.

– Несколько лет назад, когда я ещё только начала своё журналистское расследование в ваших землях, то встрети-лась с одним шаманом, его звали Хоп. Я искала знание, которое, возможно, могло бы излечить меня, а может и весь остальной мир! В конце концов, я обнаружила, что информация сокрыта внутри меня, внутри каждого человека, у Хо-па есть лишь ключ под названием...

– Сиа-Цоатль, – закончила за неё женщина.

– Именно! Однако то, что мне открылось там... Точнее, я узнала всё об устройстве мира, однако угол зрения человека так узок, что даже это знание абсолютно бесполезно, поскольку оно теряется за неимением словарного запаса, который мог бы выразить эту истину в этом мире. Однако нашёлся ОН, который постарался сформулировать и донести до меня эти знания, этим и был Арчибальд.

– И как он говорил с тобой? – не унималась женщина.

– Мне сложно объяснить, потому что я и сама не до конца понимаю этого... Иногда мне казалось, что он разговаривает со мной от лица других людей. И даже больше, что он – это все остальные люди. А иногда – то, что я и есть Арчибальд и тогда...

Женщина подпрыгнула и, громко опустившись на ноги, пустилась в ритуальный пляс.

Гелла как завороченная смотрела на её движения, которые превращались в движущиеся фигуры, заполнившие пространство вокруг. Вскоре вся комната наполнилась позами этой женщины и тут Гелла поняла, что это не женщина расщепилась на тысячи разных фигур, а её зрение не успевает за её голографическим танцем. Шлейф из фигур постепенно сокращался, подобно домино, которые падали друг на друга и вместе с тем аннигилировали в пространстве. В конце концов, сделав последний пассаж, женщина, ещё раз подпрыгнув с грохотом, рухнула на пол, заставив весь дом, да, пожалуй, и весь окружавший их лес содрогнуться. Эта волна силы также встряхнула Геллу, которая издала пронзительный крик и тут же замолчала. Блаженство, что она испытывала, не было сравнимо ни с чем на свете.

– Господи, – выдохнула Гелла, – как вы?..

– Танец Золотого Утконоса, – улыбнулась женщина, – очень сильно бодрит не только того, кто его исполняет, но и тех, кто его смотрит. А теперь послушай, – женщина опустилась на колени напротив Геллы, – старик Хоп наверняка не ожидал того, что произошло. Ты ему даже намёка на это не дала, а дело вот в чём. Ты столкнулась с тем невыразимым, что ты воспринимаешь как Арчибальда. Знаю, в месте, где ты была, такая маленькая деталь как встреча с богом или другим существом не является чем-то опасным, однако

это существо само дало себе имя. И с ним ты должна быть осторожна. Сиацоатль открывает горизонты познания, которые могут изменить твой мир, открыть правду о нём, однако остерегайся паразитов, иначе останешься навсегда в этой голографической тюрьме.

– Тюрьме? – Гелла содрогнулась, – о чём вы?

– Не принимай слишком буквально, – потрясла головой колдунья, – уясни вот что: я могу назвать это тюрьмой, могу назвать миром свободы, но суть не изменится, события удивительные, пугающие и абсолютно невообразимые продолжают происходить вокруг тебя и вокруг всех остальных людей. И в этом потоке, как бы ни было трудно, сохраняй себя. И даже если порой кажется, что стоит раствориться, исчезнуть, не дай этому поглотить тебя, ты должна быть уверена, что пока не настанет твой последний вздох, ты руководишься только этим, – женщина положила ладошку на сердце Геллы, и та испытала то же ощущение спокойствия и безвременья, что и во время танца, – и только им! Тогда у тебя не останется сожалений относительно того, что ты не сделала чего-то или не успела того-то.

– И тогда?

– Тогда ты узнаешь себя.

– Что это значит? Я умру?

– НЕ сомневайся, дитя, и не страшись. Однако гораздо важнее то, что произойдет во время твоей смерти. Станцевать свой последний танец, который откроет тебе путь к то-

му, чего ты жаждешь с рождения.

– И что же это за танец?

– Когда придет твой час, ты поймёшь. Тем более, какой смысл тебе слушать старуху? Ты молода, и у тебя ещё есть время шаг за шагом нарисовать свою картину мира и сделать выводы по поводу окружающих тебя явлений, – с этими словами женщина принялась собирать разлетевшиеся по всей комнате останки.

– Простите, – начинал снова извиняться девушка, – это ведь из-за меня ваш сын...

– Не из-за тебя, дорогая. И это не мой сын. Уже не мой и ничей либо ещё. Это всего лишь кости.

– Но вы ведь сказали, что...

– Я обязана провести ритуал, хотя и осознаю, что это не уберёт всю ту боль, что испытал этот и тысячи других молодых ребят. Но своими действиями я укажу миру, что мне не всё равно, нам, матерям не всё равно, когда дети умирают. И тогда, возможно, что-то изменится. Не для нас, так как уже поздно что-то менять, но для нового поколения, которое избежит повторяющейся из века в век трагедии народа этой планеты.

– Арчибальд говорил, что боль людей нужна, чтобы мир продолжал свой бег, – Гелла оцепенела, не понимая, откуда эти слова рождаются, и как она может говорить такие циничные вещи вслух при этой женщине. И даже если бы её не было рядом, разве у неё было бы право на столь ужасные

даже не слова, но мысли?!

– Это как раз то, чего хотят они... – совершенно не разозлившись, ответила женщина.

– Они, почему вы называете Арчибальда так... во множественном числе?

– Я не знаю точно... Но нельзя рассматривать ИХ как персонифицированное существо, это скорее смешение воли, которая есть у каждого человека, животного, микроба и звезды в нашей вселенной. А возможно, что и это неправда, и природу этого явления нам только предстоит изучить.

– Но вы сказали не слушать его. Почему?

– Он может решить все твои проблемы. Спасти мир и подчинить его твоей воле.

– Разве это плохо? – мотнула головой Гелла, – разве это не остановило бы все войны? Разве не это дало бы нам возможность узнать, кто мы такие и ...

– Этого твой Арчибальд и хочет. Чтобы ты стала всесильной и ощутила себя богиней.

– Но с такой силой я бы... Я бы сделала так, чтобы ваш сын не умер!

– Глупышка, – улыбнулась женщина, – я бы тоже этого хотела, но это не случайность, что он погиб, тысячи людских судеб привели его к такой доле. Мы подобны волнам в океане, а ты хочешь стать океаном, ты представляешь себе, что тогда с тобой станет?

Гелла сглотнула.

– Ты станешь подобной богине... Да что там, ты станешь живым воплощением Золотого Змея, тебе будут подвластны время и пространство, все звёзды, даже самая крохотная пылинки будет плясать на ветру, как только ты этого пожелаешь. Но взамен ты останешься тут навсегда.

– Где тут?

– В этом мире. Тебе придётся пережить каждую судьбу, всё по очереди и одновременно. Из будущего в прошлое и из прошлого в будущее и создать невообразимое количество альтернативных сценариев этой поистине божественной пьесы. Ты так заиграешься с этими сценариями, что забудешь, что ты всего-навсего роль, могущественная, пожалуй, даже самая всесильная во всем спектакле, но всё-таки роль. Думаю, человека, который всю жизнь просидел бы в кинотеатре, раз за разом пересматривая одну и ту же картину, можно было бы назвать безумцем. И я не думаю, что такой сумасшедшей хочешь стать ты.

– То есть вы хотите сказать, что существует ещё один мир, и он гораздо более настоящий?!

За окном раздался гул подъезжающей бронетехники, и чувства возвышенности, связанное с осознанием механизма «выхода из роли», тут же утонуло в прописанном сценарии.

– Не страшно, – улыбнулась женщина.

– Кто это? – выглянув в окно, забеспокоилась Гелла.

– Помнишь, я говорила, что, совершая обряд проклятия, мы приближаем момент расплаты за грехи?

Гелла с ужасом посмотрела на женщину, которая, собрав все кости, направилась к выходу встречать гостей.

– Так вот, мой «момент истины» настал.

44. – Как сентиментально! – расхохотавшись, икнул Арчибальд, – прости.

– Это уже не имеет никакого значения, – покачала головой Гелла.

– Ну, как же... – развёл руками собеседник, – неужели ты прошла весь этот путь только для того, чтобы признать, что он не имел в конечном итоге никакого смысла?

Девушка подняла голову и столкнулась с пронзительным взглядом Хоп.

– Как вы?... То есть это же было так давно. Когда я встретила вас... И я слышала, что вас убили, как и остальных шаманов!

– Ха! Ты воспринимаешь всё в рамках узкой географии линейного времени. А если взять допущение, что оно нелинейно и вообще отсутствует как категория, то... Наш разговор с тобой покажется тебе не таким уж и невероятным.

– Нет, подождите! Хотите сказать, что... Я всё ещё под воздействием вашего снадобья?! Но я ведь тут прожила целую жизнь! Я встретила с новыми людьми! С Майклом... Где он, что с ним стало?!

– Так, ты, главное, успокойся, – спокойно помахал рукой Хоп.

Гелла не слушала его. Соскочив со своего места, девушка бросилась в сторону, куда угодно, лишь бы подальше от этого видения. Принять смерть, оказывается, было гораздо проще, чем осознать все самые важные моменты своей жизни просто имитацией, сном, рассказанным Золотым Утконосом.

Ум Геллы бился в агонии, в надежде убедить самого себя в реальности прожитой жизни. И в представлении смерти чем-то чуждым и, самое главное, конечным. Перед лицом девушки возникла дверь, которую она с разбега снесла и, повалившись кубарем, оказалась в центре комнаты. Размер её журналистка никак определить не могла, то она казалась бесконечной равниной с мнимыми стенами, то умещалась в маленькой коробочке, которую сжимала в руках. Заинтересовавшись её содержимым, Гелла наклонилась и увидела себя, а точнее, более маленькую копию себя. Крошечная девочка прыгала по комнате, в то время как человек побольше и постарше что-то записывал на свой маленький компьютер.

– Папа, а когда ты познакомишь меня с этим Хопом?

Грэг оторвался от своего ноутбука и тепло взглянул на свою дочку: «Когда придёт время».

– Да? Значит оно пришло! Собираемся! Мы едем в... не знаю ещё куда, но мы встретимся с этим шаманом и тогда!..

– Чудесно, – вскочив с дивана, продекларировал отец, схватил дочку и ловким движением усадил себе на шею, – полетели!

– Папа! – смущённо захихикала девочка.

– Ничего не бойся! Ты сможешь! Ты долетишь туда за секунду! – главное, поверь в это! Закрой глаза и представь себе это! Тогда оно неизбежно сбудется! Это твой мир, дорогая!

Девочка кивнула, закрыв глаза, она раскинула руки, чувствуя, как из-за спины вырастают гигантские светящиеся пурпурным и зеленоватым оттенком крылья. На них образовались чудесные рисунки, трансформировавшиеся в гигантские глаза, создававшие, а возможно обнажившие всю реальность. Паутина из фиолетовых сот предстала перед богиней-бабочкой, и она легко и непринуждённо стала лавировать между паттернами информации, которую предоставляла каждая ячейка. Создатель же паутины, древний паук-перевёртыш пока не решился показаться на глаза матери-богине и пока отсиживался в далёких уголках мира, которые Гелла готова была достичь.

Гигантская проекция женщины, чьё обнажённое тело превратилось в космическую материю, усеянную звёздами, держала переливающуюся голограмму одного из миров, из которого, преодолев несколько уровней реальности, вырвалась горящая точка, оставляющая за собой две спирали из фиолетового и зелёного цветов, расправив свои светоносные крылья перед богиней вселенной.

– Привет! – радостно улыбнулась бабочка своей титанической подруге.

– Привет! – отозвалась та.

– Оказывается, всё, что говорил мне папа, оказалось ре-

альностью, — помахав своими чудесными крыльями, проговорила маленькая, но оченьмышленная фея.

— Пожалуй, что так, — произнесла богиня мира, протянув открытую ладонь. Бабочка осторожно вспорхнула, приземлившись на нее и найдя свое место между звёзд. — Когда папа говорил, что вселенная заботится обо мне, я действительно верила в это, но я и представить не могла, что она окажется мной самой! — девочка хихикнула, — мне кажется, мы станем хорошими подругами!

— Я тоже так думаю, — кивнула вселенная в ответ.

— Но почему ты такая грустная?

— Я не грустная, скорее, грустишь ты, поэтому и я кажусь тебе такой.

— А вот и нет! — высунула язык бабочка и, подняв руку, сформировала из геометрического пространства сверкающую вещь.

— Ты создала звезду? — улыбнулась вселенная.

— Точнее — то, что может создавать не только звёзды, но и целые миры! Или смотреть за уже созданными, как угодно, — с этими словами девочка-фея поднесла трубку-калейдоскоп к своему лицу.

— погоди! — закричала вселенная, но было уже поздно. Глаза на крыльях тоже увидели то, что существовало в пространстве трубки, и маленькая девочка исчезла, после чего пришло понимание Геллы-вселенной, что у неё есть только одна жизнь бабочки, и убежать от неё она сейчас не может.

Она вновь оказалась в расписном храме, наблюдая за процессией погребения своего отца. Миновав тени иллюзорных людей, она приблизилась к трупу человека, который когда-то подарил ей жизнь.

– Лжец, – стиснув зубы, выдавила девушка, – ты обещал, что мы вместе встретимся с создателем калейдоскопа.

– А разве этого уже не произошло? – отозвался отец.

Гелла дёрнулась, увидев, как глаза мертвеца распахнулись и уставились на неё.

– Папа! – чувствуя готовность впасть в истерику, проговорила девушка, но тут же замерла, заметив, что глаза отца принадлежат совершенно другому существу.

Хоп хитро улыбался, глядя на неё снизу вверх.

Девушка поднялась, чувствуя необычайную силу во всем своем теле: «Но я только что была в храме и видела...».

– Да, – Хоп развёл руками, ты видела свой труп, ну, и что с того?

– Нет, – вспыхнув, крикнула девушка, – там был мой отец, который...

– Не раз говорил тебе, что стоит относиться к окружающим так, как ты хочешь, чтобы они относились к тебе, разве не знакомая фразочка? – закончил за нее старец.

– Я! Ой... – упав обратно, впала в задумчивость Гелла. Эти простые слова перевернули её разум, весь мусор тут же выпал из её головы, и знание, такое же древнее, как мир, предстало без прикрас во всём своём великолепии и просто-

те. – Мы ведь все – один человек.

– Только не человек, – качнул головой Хоп. – И это значит, что ты ничего не поняла.

– Но ведь отец говорил про это! Я... – Гелла набралась мужества, чтобы сказать это, – я сама боюсь смерти! Потому что уже умирала, и не хочу, чтобы это повторялось раз за разом, раз за...

– Ты слишком заиклилась на этом видении, да так, что даже уже забыла свой страх насчет того, что твоя жизнь пронеслась в этих стенах всего за пару минут, а не добивалась тяжёлым трудом годами лишений и мучений. Я всё правильно сформулировал?

– Вы не можете так просто ... – Тут девушка замолчала, первый раз в жизни поймав за лапу того, кто всю жизнь строил козни богине внутри неё, – да, вы правы, и отец был прав, сейчас действительно то время, когда я встретила вас. – С этими словами она расправила свои крылья вселенной, сдвув ту реальность, что окружала шамана и молодую ученицу. – Времени действительно нет, и, о, Богиня, – улыбнулась Гелла, – папа, мы действительно вместе, встретились.

Хоп вскинул бровь и увидел маленькую девочку-бабочку, ручку которой сжимала большая мужская рука.

– Что ж, – вздохнул старик – если ты так хочешь вечно шататься без дела с ним, то тогда, пожалуй, всё действительно было зря.

– Почему вы так говорите? Неужели успели забыть моего

отца?! Вы же сами говорили, что давно знаете его и... Папа, да что с этим старикашкой? Он разве не рад нас видеть?

– Конечно, рад, – раздался оглушительный гул сверху, журналистка вскинула голову вверх и замерла от ужаса, лицо её отца, которого она держала за руку, превратилось в водоворот, по краям которого выросли тысячи длинных когтистых лап, манящих девочку нырнуть в него.

– Боюсь, бабочка снова угодила в сети паука, – Хоп грустно постучал трубкой, высыпая из неё пепел, о деревянную поверхность пола.

– Помогите! – прокричала Гелла, хватая его за одежду. Но тело Хопа, откинувшись назад, испарилось в лохмотьях одежды, за которые отчаянно хваталась девочка, проваливаясь в круговорот жизни.

45. В любой даже самой странной ситуации необходимо помнить о том, кем являешься ты сам, и о том, что тебя окружает, однако неизбежно наступает момент, когда эти два понятия уступают место друг другу или вообще сливаются. Именно в такой ситуации и оказалась Гелла, расплывшись своим сознанием до размеров вселенной, в тот же миг осознав, насколько мало было все, о чём она только могла подумать. Это ощущение пересекалось вместе с радостным чувством возвращения домой. Когда эта мысль появилась, возник дисбаланс, вытеснивший позитивный опыт, и снёс его в разряд негативного. Мир тут же распахнулся в огромную

чёрную дыру, стенки, воронки которой были покрыты миллиардами лапок, которые, быстро двигаясь, создавали узор, паутину жизни с запутавшимися в ней частями сознания Богини. Они отделялись от неё, и она видела, как энергетические волокна, создавая для каждой её части голографический мирок, дают пищу каждой из частей и те, в свою очередь, начинают размножаться сами внутри себя. Но как бы они ни старались выйти за пределы своей ограниченности и раздельности острейших нитей, которые порезали крылья богини-бабочки и приклеили к себе её маленькие чешуйки, они не могли преодолеть свою заикленность и, вместо того, чтобы собраться вновь в единую материю, продолжали развиваться внутри своих собственных вселенных. Гелла не видела в этом ничего плохого, тем более крылья в этом пространстве ей и не были нужны, однако всё происходящее вокруг неё несколько озадачило. Решив разобраться в феномене разделения, она, сжавшись в крохотную точку, прыгнула в один из воображаемых миров своих чешуек и к удивлению обнаружила себя в том же пространстве сети, из которого вынырнула ранее.

– Нет, нет, – ласково шепнул ей голос – пока ты остаёшься в полном раскрытии себя, ты не сможешь пережить опыт частности, а значит, ты...

– Знаю, знаю, – прервала его Богиня, не желая слышать очевидные вещи. С этими словами она испарилась, не оставив ничего после себя, после чего одна из ближайших зелё-

ных чешуек, в которую она превратилась, закрутилась в спираль, а затем, начав сильно вибрировать, пустила волну, которая разрушила паутину. На самом же деле она просто искажила пространство вокруг себя и перестала замечать узор, сковавший её и неизмеримое количество соседних миров. В этот момент вселенский глаз распахнулся и смог увидеть нечто за своими пределами, поверив, что он и является конечной истиной и местом сосредоточения всего знания. Постепенно создавая в себе всё новые отделы, он спускался все ниже и ниже через фрактальные пространства, которые уже формировались в его, а точнее – в её теле. Этот новый организм теперь плыл через вязкую чёрную жидкость, которая отдавала фиолетовым оттенком. В этом потоке тело путешественницы трогали тысячи лапок, напоминающих пау- чьи, трансформировавшиеся затем в чёрные как смоль ру- ки существ, умоляющих её спасти их. Но чем дальше она неслась по этому потоку, тем яснее понимала, что ничего не могла с этим поделать. Через какое-то время в мозгу сфор- мировавшегося тела возникла формула, описывающая про- странство, в котором она находилась. Это было жидкое со- стояние эфира, покоящегося в толщах подземной коры пла- неты. Тут до Геллы, которой стала пустая оболочка, дошло, что то, что она видела и чувствовала вокруг, было энергией этого элемента. Это были судьбы людей, стёртые этим эле- ментом, точнее – отношением к нему. В конце тоннеля, кото- рый теперь проходил далеко наверху, оказался золотой трон,

к которому вели трубки, по ним струилась фиолетовая жижа. Вместе с ней по ним перемалывались люди, молодые и старые, умные и глупые, различной расы, судьбы и вероисповеданий, которых вместе сплело воронкой войны и ненависти, закрутившей их в спирали чёрной массы, чьи волны омывали кровью золотой трон повелителей планеты. Гелла, сумев на секунду отстраниться от ужаса, который творился вокруг неё, вдруг осознала одну простую истину – если бы ни эти люди были в водовороте страдания, то в нём тут же оказались бы те невидимые судьбы, что парили возле трона. И она сама не делала ничего, абсолютно ничего, чтобы это изменить. В сущности, она была такой же, как и те, кто сейчас восседал на троне. Единственные, кто хоть что-то пытался изменить в мироустройстве, были отважные смельчаки, изучавшие мир вокруг себя, не боясь плевать в лицо парадигмам и изучать всё новые и всё более совершенные способы улучшения жизни человечества как вида. Остальные же были паразитами, которые в различные столетия либо восседали на троне, либо же валялись у него. И те, и другие не пытались создать что-то новое, а лишь пытались присосаться к уже созданным открытиям, чтобы разжиреть до размеров всей планеты. А так как жадность людей всегда перегоняет открытия, то людям всегда было мало, поэтому между ними произошел разлом на тех, кто был умнее и сильнее, и тех, кто не успевал за жизнь направить поток густой крови эфира на себя. Гелла же чувствовала себя виноватой, она была журналисткой и ниче-

го не создавала. По сути, она была тем же ничтожным большинством, что паразитировал на открытиях бесстрашных исследователей внутреннего и внешнего пространства, создающих новые приспособления и открывающих ранее неизведанные грани Вселенной и разума человека. Ещё противнее девушке казалось то, что она была в лагере аутсайдеров и своими писульками пыталась скинуть с трона тех, кто боролся, как и все остальные, за своё счастье. Но стоп. Что такое это самое мистическое счастье? Тут журналистка призадумалась насчет правомерности их желания. А также как оно коррелирует с чаяниями тех, кто «внизу». Возможно, что она сама создала эту черту, ведь если бы она отправилась в путешествие по свету, то однозначно сказать, что вот этот победитель – проигравший, не представлялось возможным, ибо слишком сложны были обстоятельства жизни каждого индивида, и каждая секунда существования любого человека несла совершенно отличный от других заряд энергии, который мог быть либо губительным, либо целительным только в контексте конкретных событий и допущения времени-пространства как категории, которая приравнивала всех участников гонки за счастье. Но может оно заключалось в чем-то совсем ином? Разве вечная погоня за удовольствием и возможностями, что давал эфир, было единственным, что имело значение? Нет, пожалуй, самым важным были дети. Но тут девушка одёрнула себя, да, она была матерью, но понимала, что это было безумным оправданием тех людей, ко-

торые говорили, что живут своими детьми. Такие личности становились чрезвычайно опасными, в первую очередь, по отношению к себе, забывая, что, несмотря на то, что их дети и смогут превзойти их, как все надеялись, и смогут пронести их кровь и волю через столетия, тем не менее, жизнь у каждого человека своя, и глупо думать, что кто-то реализует за тебя то, что ты можешь и должен сделать сам в отпущенное время на планете. С этим утвердившимся чувством Гелла устремилась к золотому трону в надежде разбить его на части и перестать надеяться на случай, на сына, на любовника, на кого бы то ни было, кто мог бы что-то изменить в её жизни или мире вокруг. Она сама была творцом, и выражение её воли как художника самой Вселенной имело самую, да и, пожалуй, единственно важную роль во всем мироздании. С этим пылающим чувством, которое наполнило её до краев восторгом, она превратилась в пурпурную стрелу, пронзившую трон, являющийся ложным светом для большей части населения планеты.

46. Несясь через бесконечное пространство вариантов, Гелла задумалась на секунду, кем же она была на самом деле? И правда, миллионы вариантов, пришедших в её разогнавшийся до сверхсветовых скоростей ум, по-своему были правдивы и точно так же были абсолютно ложными. Из этого следовал вывод, что пока у неё ещё есть такая роскошь – воспринимать себя как человека и выбрать свою роль в спек-

такле неизбежных совпадений, то стоит подойти к выбору со всей ответственностью, чтобы уклон в сторону какой-то из надеваемых масок запрограммировал окружающий мир в благоприятном ключе. После ряда раздумий Богиня решила оставить на время роль матери космических и земных детей, роль борца за справедливость, роль искателя истины во внешнем и внутреннем мирах и перевоплотиться в одну из мощнейших энергий, что скрепляют мир людей, не давая им впасть в уныние и скуку на своём плане реальности. Этой поистине колоссальной энергией оказалась любовь, притяжение субъектов, которое существовало не для чего-то и даже не вопреки, оно являло само по себе сферу, очень редко впускающую в себя людей, однако всегда делающее это в самое нужное время в самом нужном месте. Всё случилось именно так и в этот раз. Осколки золотого трона, расплавившись от космической скорости, стали сливаться в золотую субстанцию, которая, отражаясь от света Богини, стала сиять всеми возможными цветами, зарождая внутри себя очередную проекцию грядущих событий, чей сценарий был сыгран на проигрывателе мира сотни тысяч раз. Прыгнув вовнутрь пестроты цветов луча, Богиня передала этому жидкому эфиру упорядоченность и геометрическую уверенность, что вновь отстроила дворец, в котором проходила ежегодная церемония награждения за выдающиеся достижения в журналистике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.